

ОКЕАН НАДЕЖД

Лето испытаний

Игорь М Бер

Игорь Бер

Океан надежд II: Лето испытаний

<https://litres.ru/73728462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кевин Нолан пересек черту, за которой нет возврата. Молодой Мир остался позади, впереди — Зрелый Мир, край выжженных земель и затопленных поселений. Кевин близок к цели, но теперь он — лишь фигура в партии сверхсуществ, а древние пророчества называют его то Спасителем, то предвестником конца.

Он продолжает путь в компании могущественного колдуна, скрывающего лицо под маской добродетели, и женщины из племени сиу, которая отчаянно ищет потерянного близкого. Впереди их ждет банда «Благородных», по которым плачет виселица, и место, где из заколоченного гроба доносится стук Безликого, жаждущего крови.

Чем ближе берег заветного Океана, тем тише молитвы и громче голоса призраков. В мире, где за спасение одного платят гибелью народа, Кевину предстоит узнать: что останется от человека, когда замолкнут боги, а на пути к надежде встанет сама Смерть?

Содержание

Глава 1: Погребение	6
1.	6
2.	12
3.	20
Глава 2: Зрелый мир	22
1.	22
2.	30
3.	45
Глава 3: Банда Благородных	55
1.	55
2.	68
3.	77
Глава 4: «О, Великий Маниту»	90
1.	90
2.	98
3.	105
Глава 5: Община	113
1.	113
2.	124
3.	133
Глава 6: Схожие судьбы	146
1.	146
2.	149

Игорь Бер

Океан надежд II:

Лето испытаний

ИГОРЬ БЕР

ОКЕАН НАДЕЖД

II: ЛЕТО ИСПЫТАНИЙ

Глава 1: Погребение

1.

Ночью небо окутали низкие серые тучи, и лишь изредка тишину нарушали глухие раскаты грома. Мелкий дождь пошел под утро; солнца в тот день так никто и не увидел. Первые капли, падавшие с хмурого небосвода, превращали сухую землю в липкую грязь. Спустя полчаса на размокшей дороге начали проступать глубокие отпечатки тяжелых мужских сапог.

Дождь во время похорон считался дурным знаком. Об этом знали все, но предпочитали молчать, пряча друг от друга неловкие взгляды. Лица собравшихся казались печальными и суровыми. Внезапно тягостное безмолвие, в котором слышались лишь шлепки шагов по лужам да скрип деревянных колес, прервал чей-то голос:

– Скорее бы всё кончилось, – и тут же стих, встретив в ответ лишь нервное покашливание.

Подобный обряд проводили в этих краях больше полувека назад. Никому не хотелось нарушать заведенный порядок или совершать досадную ошибку в действиях, которые так тщательно репетировали. Особенно тем, кто участвовал в процессии впервые.

Струйки воды непрерывно стекали с широких полей шляп. Кожаные плащи – черные и коричневые – не пропускали влагу, чего нельзя было сказать об обуви. Впервые за долгие недели изнуряющего зноя мужчин, идущих под дождем, пробрала дрожь. Многие втайне мечтали поскорее согреться глотком чего-то крепкого, но повернуть назад никто не решался.

Когда по дощатой поверхности впервые раздался громкий стук, вздрогнули даже старики, видевшие в своей жизни немало. Молодые и вовсе инстинктивно схватились за револьверы, но через мгновение, смутившись, опустили руки. Жуткий, пробирающий до костей звук повторялся редко и всегда неожиданно, как ни старались люди его предугадать.

Улицы стояли пустыми, ставни домов были плотно закрыты. Те, кто не вышел к процессии, всё равно незримо участвовали в ней, доверившись единственному чувству – слуху.

Дождь продолжал лить. Люди медленно продвигались к воротам деревушки под названием Конвинант. Впереди шагал конь, запряженный в повозку, где мертвым грузом покоился сосновый гроб. Сельчане старались смотреть под ноги или вдаль, но каждый новый стук заставлял их вновь оборачиваться на телегу. Лошадь с каждой разом вела себя всё беспокойнее, порываясь прибавить ходу, поэтому одному из мужчин приходилось крепко держать ее за поводья. При каждом толчке гроб шатало из стороны в сторону. Кое-кто всерьез опасался, что тяжелый ящик выскользнет в грязь

и его придется поднимать обратно.

– Держи её крепче! – приказал мужчина с обветренным лицом и глубокими синими глазами.

На вид ему было около пятидесяти. Он чувствовал, что обязан довести дело до конца, и не боялся подать голос. Мужчина понимал: тот, кто лежит внутри, затих и внимательно прислушивается. Думать о собственной безопасности сейчас было некогда. Если обряд завершится, все страхи останутся в прошлом.

Стараясь не поскользнуться, другой человек подбежал к телеге и, повинуясь кивку старшего, перехватил узду с другой стороны. Животное заупрямилось сильнее, но вдвоем удалось его усмирить.

Однако надолго ли?

Человек с обветренным лицом оглядел спутников и решил, что путь можно продолжать. Прежде чем процессия тронулась, он подошел к повозке, достал две серебряные монеты и положил их на крышку гроба.

Люди двинулись к окраине, в сторону холма, где покоились жители Конвинанта – и те, кто ушел давно, и те, кого не стало совсем недавно. Многие верили: идти станет легче, едва деревня останется за спиной. Низкие тучи плыли следом, гроыхая и клубясь. Капли дождя продолжали падать, с глухим стуком разбиваясь о шляпы и плечи идущих.

Процессия приближалась к высокой арке, венчавшей въезд в поселение. На дубовой перекладине было выреза-

но название деревни, входившей в состав губернии Талбор. Внезапно дверь одного из домов распахнулась, и на улицу выбежала молодая женщина. Её голову покрывала черная накидка, а в глазах застыла неутихающая скорбь. С надрывным криком она бросилась к людям, не замечая, как туфли тонут в вязкой колее.

– Нет! Мальчик мой! – взывала она, с трудом преодолевая сопротивление грязи. Женщина падала, поднималась и вновь бежала вперед. – Оставьте его! Он жив! Выпустите его сейчас же!

Один из мужчин выступил навстречу, преграждая ей путь.

– Сэлли, стой! Не приближайся!

Шериф – человек с обветренным лицом – властно перехватил его за локоть и едва слышно прошипел:

– Никаких имен! Он всё слышит.

Тот виновато опустил голову и поспешил к жене. Он заключил её в крепкие объятия, став живым щитом между ней и повозкой. Женщина отчаянно пыталась вырваться.

– Пусти! Я должна увидеть Джонаса! – рыдала она, не скрывая стонов.

Муж прижимал её к груди, вкладывая в это объятие все свои силы. Наконец Сэлли обмякла, перестав сопротивляться, и повисла на его руках. Супруг, едва сдерживая слезы, коснулся ладонью её намокших волос.

– Успокойся, родная, – прошептал он.

– Джонас... наш сын... – причитала она, содрогаясь всем

телом. – Он ведь дышит!

– Нет, – отозвался муж голосом, охрипшим от горя. Он склонился ниже, чтобы широкие полы шляпы укрыли Сэлли от ливня. – Наш мальчик ушел. С этим нужно смириться.

И в этот миг, словно подстерегая минуту слабости, из заколоченного гроба донесся детский голос – тот самый, который родители знали лучше любого другого на свете:

– Мама? Мамочка, помоги! Здесь так темно... Мне нечем дышать!

Хрупкая женщина обрела нечеловеческую силу. Она толкнула мужа в грудь, и тот, поскользнувшись, повалился навзничь. Перепрыгнув через него, Сэлли возобновила свой бег. Подол платья, отяжелевший от влаги и земли, мешал движениям, а дождь заливал глаза, но мать ничего не замечала: она спешила к сыну.

Сэлли уже продиралась сквозь ряды мужчин, когда дорогу ей перегородил шериф. Она попыталась оттолкнуть его, но тот стоял непоколебимо.

– Пропустите меня! Мой сын зовет меня!

– Нет! – шериф крепко сжал её плечи и встряхнул, заставляя взглянуть себе в глаза. – Это больше не твой сын. Пойми же это наконец!

– Но он просит о помощи!

– Он лишь пользуется твоим горем. Его слова – приманка. Ему *больше* не нужны твоя любовь и ласка.

Затравленный взгляд женщины, устремленный на повоз-

ку, наконец встретился с суровым взглядом законника. Сэлли начала приходить в себя.

– В нем не осталось ничего человеческого, – добавил шериф уже тише.

Она зажмурилась, с трудом сглатывая горький ком в горле. Напряжение в теле сменилось усталостью. Шериф снял свою шляпу и надел её на голову несчастной матери.

– Но голос... – прошептала она, не открывая глаз. – Он в точности как у моего мальчика.

– Да, – подтвердил шериф. – В этом и кроется сила таких как он.

Муж уже был рядом. Шериф бережно передал ему женщину.

– Отведи её в дом. Согрей молоком. Дальше мы справимся сами. Помни, у вас есть маленькая дочь – сейчас она нуждается в опоре и страдает не меньше вашего.

Супруги развернулись и побрели к крыльцу. Шериф провожал их глазами, пока они не скрылись за дверью, а затем вернулся к процессии.

2.

Шерифу Конвинанта Сиду Расселу было не по себе. Прежде ему не доводилось встречаться с подобными тварями, но рассказы о них он слышал с раннего детства, как и все в округе. Самый известный случай столкновения с Безлики-ми произошёл более сорока лет назад в соседнем поселении под названием Астер. Тогда обряд погребения не удалось до-вести до конца из-за человеческой беспечности и самоуве-ренности. Покойнику удалось выбраться из гроба, и за три недели он истребил почти всех жителей. Неизвестно, чем бы всё завершилось, если бы не появление чистильщиков Анку. Они забрали Безликих с собой. Никто не знал, откуда при-ходят эти жнецы: из Земель Мертвых, из самого Мира Веч-ности или иных неведомых краев. Ответ оставался тайной, а те, кто пытался выследить их, исчезали навсегда.

В детстве истории о братьях Анку пугали Сиду сильнее, чем сами чудовища, на которых те охотились. Описания их лиц, лишаящих рассудка всякого встречного, казались ма-ленькому Расселу невообразимо жуткими. С годами бывшие страхи притупились, а предания стали казаться лишь мрач-ными сказками. Однако стоило Сиду самому возглавить ри-туал, как всё изменилось: забытая тревога вновь заскребла в груди.

Идти следом за гробом, где теплилась чуждая жизнь, было

невыносимо. Дождь, суливший лишь беды, только обострял чувство опасности. К дурным знамениям прибавлялись и другие: появление женщины на пути процессии, произнесенные вслух имена и монстр, заговоривший голосом мертвого ребенка.

– Чего нам теперь ждать? – шепотом спросил помощник шерифа Харви Гуделл, вцепившись в локоть Рассела. – Проклятия на всё поселение?

– Успокойся, – так же тихо отозвался шериф. – Мы завершим обряд, и эта тварь навеки останется под землей. Жизнь вернется в прежнее русло. Так было всегда, и сегодня ничего не изменится.

Рассел высвободил руку и широким взмахом приказал мужчинам продолжать путь. Ему, как и остальным, хотелось поскорее покончить с этим делом.

Глядя на повозку, Сид невольно возвращался мыслями к тому дню, когда они с Харви и еще тремя крепкими парнями схватили существо. Оно стояло над телом убитого им мальчика и слегка покачивалось, словно от ветра. Его застигли в тот момент, когда оно пыталось натянуть одежду Джонаса на свой белесый торс. Почувствовав людей, создание резко повернуло голову и оскалило кривые желтые зубы. В его багровых глазах пылали безумие и ярость.

Тогда они набросили на него тяжелое покрывало из буйволиных шкур и повалили на землю. Тварь отчаянно брыкалась, пытаясь разорвать плотную ткань. Силы монстру было

не занимать, но мужчинам удалось скрутить его в тугой кокон и заколотить в сосновом ящике.

Шериф гнал от себя кощунственную мысль, но в глубине души был рад, что Безликий выбрал жертвой ребенка, а не взрослого мужчину, чей облик мог бы принять. С окрепшей особью они могли и не сладить.

«Безликий».

Одно это слово заставляло Сиду содрогаться. Его – бесстрашного Рассела! Прежде чем занять нынешний пост, он был успешным охотником за головами и повидал немало негодяев, способных на любое злодеяние. Но даже самые отъявленные преступники не внушали ему такой гнетущей тревоги, как это существо, способное в одиночку разорить целую губернию, лишь бы утолить свой голодный зов.

Ливень набирал силу, превращая дорогу в вязкое месиво. Телегу приходилось подталкивать почти на каждом шагу – лошадь едва передвигала ноги, рискуя окончательно застрять в липкой глине.

В очередной раз, когда повозка завязла и двое молодых парней принялись ее выталкивать, тот, кто почивал недобрым сном под крышкой, вновь напомнил о себе. Раздался оглушительный удар, и вслед за ним – яростный, нечеловеческий вопль. Юноши в ужасе отпрянули; один не удержался на ногах и повалился в грязную лужу. Лошадь же, решив, что на сегодня потрясений достаточно, дико заржала и рванулась вперед, с неожиданной легкостью сорвав тяжелую те-

легу с места.

– Держите её! – крикнул шериф, но было поздно: животное умчалось быстрее, чем кто-либо успел опомниться.

Гроб заходил ходуном, подползая к самому краю настила.

– Сейчас упадет! – выкрикнул кто-то, и в то же мгновение сосновый ящик скользнул по мокрому дереву, перевалился через край и, описав в воздухе нелепую дугу, тяжело рухнул в грязь. Избавившись от жуткой ноши, лошадь понеслась еще быстрее, пока повозка окончательно не отцепилась.

Процессия замерла, словно ожидая, что беды на этом не закончатся. Но всё стихло. Запертый в гробу монстр, принявший обличье ребенка, вновь выбрал право на молчание, будто и не заметив падения. В тридцати шагах поодаль сиротливо замерла двухколесная телега, а лошадь уже превратилась в едва различимое темное пятно на фоне дождливых холмов.

Первым оцепенение стряхнул Сид Рассел. Он несколько раз громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание людей. Лишь немногие обернулись на него – большинство продолжало заворуженно смотреть на перевернутый гроб.

– Слушайте меня! – в голосе шерифа теперь звучала не просьба, а жесткое требование. – Мы должны завершить обряд, нравится нам это или нет. Вы и сами это понимаете. – Еще несколько человек подняли головы, вслушиваясь в его слова. – Выбора нет. Дальше понесем на плечах.

В толпе пополз нервный ропот. Чаше других слышалось

испуганное: «Я к нему и на шаг не подойду».

– Мы все... – шериф хотел сказать «напуганы», но вовремя осекся, – ...на взводе! И каждый мечтает поскорее оказаться дома, в тепле, рядом с близкими. Так не будем мешать. Кладбище уже совсем близко!

Он замолчал, давая сельчанам время на возражения. Ответа не последовало, но эту тишину Сид счел за согласие.

– Раз никто не против, мне нужны двое добровольцев.

– Двое? – озадаченно переспросил Харви Гуделл.

– Именно так, Харви, – кивнул Рассел. – Потому что ты и я входим в четверку носильщиков без лишних разговоров.

– А если я...

– Ты обязан! – отрезал шериф. – Мы дали клятву защищать это место и людей от любой напасти.

– Тогда почему ты не обяжешь Мал... младшего помощника?

– Ему всего шестнадцать, – шериф мельком взглянул на растерянное лицо своего младшего помощника. – К тому же он единственный мужчина в семье. Кроме него, о старой матери и сестре позаботиться некому.

– Выходит, ты видишь в этом деревянном ящике настоящую угрозу? – прищурился Гуделл.

– Необязательно. Но случиться может всякое.

– Хорошо, – смиренно вздохнул помощник. – Я не в торговле, но я с тобой.

– И я! – с легкой дрожью, но твердо произнес Малкольм

Клемментс, делая шаг из строя. – Пусть мне шестнадцать, но я всё же ваш помощник.

Сид помешкал, но одобрительно кивнул и вновь окинул взглядом толпу. Другие ковбои старательно отводили глаза, боясь стать четвертым «избранным».

Взгляд шерифа подернулся грустью. Было горько видеть такое малодушие в соседях, которых он годами считал надежными людьми. Конечно, они мнят себя бесстрашными мужами: каждый вечер пьют крепкий виски, не хмелея, порой ввязываются в драки, не держа после зла, любят жен и заглядываются на красоток из салуна. Разве не это в их понимании черты «настоящего мужчины»? А отказ нести гроб – это ведь не страх, верно? Просто брезгливость.

Наконец из рядов вышел старик Рональд Белфаст, бывший шериф Конвинанта, а ныне – просто уважаемый горожанин.

– Я буду четвертым, шериф.

Рассел благодарно кивнул старику и первым направился к лежащему в грязи гробу, внутри которого царил обманчивая, зловещая тишина.

– Давайте перевернем его.

Шериф перешагнул через гроб – совсем небольшой, как раз под рост пятилетнего ребенка. На мгновение в голове Сиды мелькнула нелепая мысль о занозах, которые можно оставить в ладонях из-за плохо ошкуренных досок.

– А почему бы не вернуть его в телегу и не потащить её саму? – предложил Гуделл.

– Потому что повозка слишком тяжела, и тянуть её по этой жиже будет вдвое труднее, – отозвался шериф с едва уловимым раздражением. – Мы понесем его на плечах. Не нужно искать оправданий, чтобы медлить.

Он кивнул помощнику, указывая на противоположный край. Мужчины ухватились за скользкое дерево и общими усилиями перевернули ящик крышкой вверх. Внутри с глухим стуком перекатилось тело, и от этого звука у Сиды неприятно засосало под ложечкой. Сосновый гроб, еще хранивший запах свежей древесины, окончательно испачкался в серой жиже; на его боках остались рваные мазки от их ладоней. Рональд Белфаст и Малкольм Клемментс поспешили на помощь, подхватив ношу с той стороны, где должны были находиться ноги Безликого.

– Я и сам хотел вызваться, да старик меня опередил, – донеслось из толпы. Голос показался знакомым, но Рассел даже не обернулся: сейчас это не имело никакого значения.

– Значит так, – шериф взглянул на Белфаста и юного Малкольма, старательно избегая имен по понятным каждому причинам. – Вы двое держитесь позади, мы с помощником пойдем впереди. И больше ни слова, пока эта тварь не окажется под землей.

Дождавшись молчаливого согласия, он скомандовал поднимать. Гроб лег на плечи. Тот, кто затаился внутри, не пода-

вал признаков жизни, словно окончательно смирился с тем, что вечность ему предстоит провести в тесном деревянном плену под толщей земли.

Процессия возобновила путь к металлической изгороди, над которой виднелась покосившаяся от времени надпись: «Кладбище». Там, за оградой, уже темнел свежий провал будущей могилы. Как и на пяти других захоронениях этого погоста, здесь поставят крест без имени – лишь с красным мазком краски, которую станут обновлять каждый год.

«Метка Безликого» – так называли эти знаки в их краях. Сид Рассел не знал иных имен для таких могил, но был уверен: по всему Зрелому Миру найдется не меньше трех десятков похожих названий для этих страшных меток.

3.

Они добрались до места почти без приключений. Лишь однажды из недр соснового ящика донесся жалобный детский плач, сопровождаемый тихим царапаньем ногтей по дереву.

– Заткнись! – не выдержал Гуделл, и в ту же секунду существо умолкло.

– Не смей с ним заговаривать, – процедил сквозь зубы шериф. – Не обращай к нему. Больше ни единого слова!

Помощник спорить не стал и хранил угрюмое молчание до самого конца погребения.

Когда процессия миновала арку кладбища, ливень начал стихать. Вода больше не барабанила по полям шляп и крышке гроба, но легче от этого не стало: земля на погосте оказалась куда более вязкой и рыхлой, чем снаружи. Старик Белфаст поскользнулся и едва не упал, но Малкольм вовремя подхватил его под локоть, за что удостоился благодарного кивка.

Они опустили ношу в шаг от разверстой ямы и молча переглянулись. Обряд близился к завершению, и это дарило всем долгожданное чувство покоя. Из толпы вышел один из горожан, неся на плечах два мотка веревок. Шериф взял один из них и принялся разматывать. Гуделл остался подле него, тогда как Клемментс и Белфаст обошли могилу, ожи-

дая, когда им бросят концы. Как только веревки были закреплены, гроб подняли и осторожно сместили, пока он не завис над темным провалом.

– Медленно, – скомандовал Сид Рассел.

Ящик начал неторопливо погружаться туда, где дно могилы уже скрылось под слоем мутной дождевой воды.

– Не спешим.

Чем ниже опускался гроб, тем спокойнее становилось на душе у шерифа. И лишь когда веревки вытянули обратно и смотали, а на крышку упали первые пригоршни жидкой земли, Сид позволил себе тяжело выдохнуть. Подняв лицо к небу, он подставил его легкому ветру, который словно стирал его усталость и скопившееся напряжение.

Вскоре гроб полностью исчез под слоем земли, которую горожане набрасывали с похвальным рвением. Но в какой-то миг шерифу почудилось, что он вновь слышит надрывный детский плач. Он замер, пытаясь уловить звуки, доносящиеся из глубины могилы, но тишину нарушал лишь мерный стук лопат.

Глава 2: Зрелый мир

1.

Его пробудило прикосновение. Легкое, почти невесомое, словно дыхание теплого ветра или колыхание травинки. Сердце Кевина забилося чаще, когда он вновь увидел родные и бесконечно любимые черты. Она улыбнулась и прошептала:

– Вставай. У тебя получилось.

– Клэр!

Стоило произнести её имя, как образ жены растаял, обратившись в белое облако. Он хотел позвать её снова, но вновь почувствовал ласковое поглаживание по щеке и услышал те же слова:

– Просыпайся, Кевин! Нам удалось!

На этот раз голос был мужским, и в нем едва сдерживаемое ликование смешивалось с торжеством.

Яркий дневной свет сменился глубокой синевой неба. Лишь одна черная точка нарушала безупречную чистоту вышины – птица замерла в свободном парении. Она жалобно вскрикнула, будто скорбя о чем-то, и резко ушла в сторону. Часть небосвода закрывала ветка с дрожащей листвой. К щеке Кевина всё еще прижимались стебли трав, щекоча кожу,

покрытую густой щетиной.

– Кевин, очнись! Мы сделали это! – на месте ветви появилось лицо Марка Уотера. Первое, что бросилось в глаза, – сияющая улыбка спутника.

– Где мы? – спросил Нолан, с трудом облизав пересохшие губы.

Марк огляделся и с торжественностью опытного конференсье провозгласил:

– Мы в Зрелом Мире, друг мой. И это просто великолепно!

Кевин приподнялся на локтях. Вдали высилась цепь заснеженных гор, у подножия которых густой стеной стояли ели. Когда при помощи Марка он поднялся на ноги, голову пронзила острая боль, а к горлу подступила тошнота. В глазах потемнело, в ушах почудился звон далеких колокольчиков. Он пошатнулся, и Уотер тут же подхватил его.

– Слабость, – пробормотал Нолан, будто оправдываясь.

– Знаю, – кивнул Марк. – Сам едва пришел в себя. Скоро пройдет, поверь.

– Как мы здесь оказались? – Кевин мотнул головой и поморщился. Перемещение между мирами по ощущениям ничем не уступало тяжелому похмелью.

– Через портал, Кевин. А вот и наше дерево.

Нолан обернулся к могучему орешнику – точной копии того самого дерева, что послужило им мостом в Молодом Мире. И хотя здешние просторы мало походили на луг Арум,

а сам орешник смотрелся среди этой флоры чужеродно, Кевина грызли сомнения: действительно ли они достигли цели или лишь принимают желаемое за действительное?

– Как думаешь, сможем ли мы использовать его, чтобы добраться до Старого Мира? – задумчиво спросил Кевин, не сводя глаз с густой кроны.

– Вряд ли. Скорее всего, это не то самое дерево. Даже если его посадил убитый человек, не факт, что на этих ветвях казнили какое-то существо.

– И всё же стоит попробовать.

Марк лишь пожал плечами. Кевин осмотрел дерево от корней до самой верхушки и решительно шагнул вперед, намереваясь взобраться наверх. Летописец заверил: тот, кто попал в Зрелый Мир, уже не сможет вернуться в Молодой. А значит, не стоило бояться, что повторный подъем отбросит их назад – туда, где они были... минуты или дни назад?

Тошнота еще не прошла, но Кевин не собирался ждать. Однако его надежды на скорый путь к Океану Надежд рухнули в мгновение ока. Рука, протянутая к нижней ветви, прошла сквозь ствол, словно сквозь туман. Он попытался снова, но пальцы не встретили опоры. Словно в подтверждение этой призрачности, Марк шагнул вперед и без труда прошел сквозь толстую кору орешника.

– Бесполезно, приятель. Это дерево – лишь эхо того мира, который остался позади. Придется искать другой путь.

Будто ставя точку в споре, орешник замерцал и растаял,

унося с собой спасительную тень. Они остались вдвоем под палящим летним солнцем. Высоко в небе вновь раздался крик хищной птицы, призывая путников обратить взор к новому горизонту.

Марк извлек из мешка остатки провизии: краюху хлеба и остатки мёда. Это было всё, что у них осталось. Судя по положению солнца, время завтрака давно прошло, и путники решили свериться с местностью.

– В Молодом Мире у нас была ясная цель – дом Летописца, – напомнил Кевин, обращаясь скорее к самому себе. – Теперь же мы идем вперед, не зная конечного пути.

– В нем и нет нужды, – отозвался Уотер. – Нам не нужно искать конкретную точку на карте, ведь мы знаем, что служит для нас ключом. Сама наша цель – любой объект, созданный или посаженный человеком, который принял смерть от рук носителя магии, а также...

Марк запнулся, словно важная мысль ускользнула от него в последний момент.

– А также этот объект должен быть причастен к гибели колдуна или иного существа, – закончил за него Кевин, и Марк поспешно кивнул. – Значит, нам нужны люди. Найдем город и станем осторожно расспрашивать жителей о подобных вещах. О чем-то, что могло бы стать новым порталом.

– Полагаю, это не составит труда, – согласился Уотер.

– Жаль, что мы не поняли этого раньше, – вздохнул Нолан. – Наверняка в Молодом Мире было множество таких

переходов, но мы миновали их по незнанию.

– Бесплезно гадать о прошлом, друг. Нужно обходиться тем, что имеем.

– Ты прав, – согласился Кевин. – Предлагаю не терять времени. Пойдем вдоль горного хребта. Уверен, рано или поздно мы встретим жилые земли.

Марк не возражал, и они зашагали по высокой траве в ту же сторону, куда улетела беспокойная хищная птица.

Следующие два часа прошли почти в полном молчании. Кевин задал быстрый темп, стремясь поскорее оставить позади однообразные пейзажи. Но на горизонте, как назло, виднелись лишь зубчатые пики гор да бесконечные хвойные леса. Марк старался не отставать, хотя и не разделял ярого рвения товарища. Напротив, он всё чаще оглядывался, словно опасаясь засады.

Когда Уотер внезапно остановился и опустилс на траву, Кевин заметил это не сразу. Лишь внезапная тишина заставила его обернуться.

– Что-то случилось? – недоуменно развел он руками.

– Всё в порядке, – невозмутимо ответил Марк, стягивая запыленные сапоги, купленные еще в губернии Песверс. – Пожалуй, пойду босиком, погода позволяет. – Он отбросил обувь в сторону и принялся за вторую. – Тебе бы тоже не мешало разуться, наверняка ноги стер в кровь. Поверь, так идти станет гораздо легче.

Кевин с неохотой присел рядом. Избавившись от сапог, он тут же вскочил, готовый продолжать путь. Однако Марк не спешил подниматься. Он сорвал травинку и задумчиво принялся жевать её стебель.

– Чего мы ждем?! – возмутился Нолан. – Пора идти. Мы не можем отдыхать каждые два часа.

– Не тревожься так, Кевин. Я знаю: ты всё еще сомневаешься, что мы сменили мир. Но поверь моему опыту: мы действительно в ином измерении. Я прожил в Молодом Мире всю жизнь и ни с чем его не спутаю.

– Но как ты это понял? – Кевин не стал скрывать, что именно неуверенность подгоняет его вперед. – Как по мне, они мало друг от друга отличаются.

– Разница есть, – отрезал Марк. – Вскоре ты сам убедишься. Не спрашивай, откуда такая уверенность. Я просто знаю.

Спокойствие Марка передалось и Кевину. Он опустился рядом, вдыхая терпкий аромат хвои, который приносил с гор прохладный ветер.

– У тебя когда-нибудь были друзья? – неожиданно нарушил тишину Марк. – Настоящие, те, кого можно таковыми назвать, не кривя душой?

– Ты мой друг, Марк, – ответил Кевин, и его слова заставили Скитальца тепло улыбнуться.

– И ты мой, Кевин. Но прежде у меня были и другие, память о которых согревает и одновременно душит тоской. Среди них был один человек, которому я останусь благода-

рен до конца своих дней. Не знаю, что с ним случилось и жив ли он еще. В последний раз я видел его в тот роковой день, когда погибли все мои сородичи. И самое страшное, знаешь что? – Кевин молчал, вглядываясь в горизонт и ожидая продолжения. – Семья того парня сама участвовала в расправе над моим кланом. Но он, узнав о готовящемся нападении, прибежал к нам и обо всем предупредил. Только благодаря его преданности я остался жив в ту ночь. Мы делили все секреты на двоих. После той бойни и до нашей с тобой встречи у меня не было никого ближе. Вот о какой дружбе я говорю, Кевин.

– Понимаю тебя, Марк. В моем детстве тоже были двое, воспоминания о которых приносят и радость, и печаль. Конечно, друзья встречались мне и позже, но зрелое товарищество не сравнится с теми узами, что вяжутся в юности.

– Может, расскажешь о них?

– Думаешь, сейчас подходящее время? – Кевин взглянул на спутника. – Нам нужно двигаться, а не предаваться мыслям о былом.

– Прошу тебя, утоли моё любопытство. Расскажи о себе хоть что-то, ведь, кроме того, что этот долгий путь ты затеял ради жены и дочери, я почти ничего не знаю о твоём прошлом.

– Хорошо, – кивнул Кевин. – Но обещай: как только я закончу, мы сразу продолжим путь.

– Клянусь честью.

– Ладно, – согласился Нолан. – Только не знаю, с чего и начать. Пожалуй, поведаю о том дне, когда на рассвете у меня было двое верных друзей, а к закату я лишился обоих...

2.

Детство Кевина без остатка прошло в городке Фолкстоун, штат Каролина. Тот день, с которого начался его рассказ, тоже стал частью тех юных лет – день, ожидаемый с нетерпением и впоследствии обернувшийся желанием его навсегда забыть. Тридцать первое октября. Кевину тогда едва исполнилось двенадцать.

Он жил на вершине небольшого пологого склона, у самого истока Смолгард-стрит. Дом был одноэтажным, с уютной мансардой, где располагалась его личная комната. Вид из окна упирался в текстильную фабрику, дававшую работу почти половине горожан. Напротив стоял дом Чарли Фиббса, одного из лучших друзей Кевина – художавого сверстника со светло-шоколадной кожей. В их неразлучной троице Чарли слыл весельчаком и балагуром, способным найти ответ на любой выпад.

Чуть ниже по улице обитал Ленни Бридж. Плотного телосложения, бледный и усыпанный веснушками, к тому же страдал близорукостью. Очки Ленни надевал лишь для учебы, предпочитая оставлять их дома, стоило ему покинуть школьный порог. Спортивными достижениями он не хвастался, зато в рыболовном деле смыслил необычайно много, а потому ощущал себя едва ли не богом, когда друзья выбирались к реке. В такие моменты Ленни демонстрировал неза-

менимость, из раза в раз выуживая рыбы больше, чем Кевин и Чарли вместе взятые.

В Канун Всех Святых, когда светило клонилось к горизонту, а вдали уже гремели первые хлопки петард, Кевин в костюме зомби и Чарли, чей наряд представлял собой нечто среднее между мухой и пришельцем, подошли к крыльцу Ленни. Впереди их ждал поход за сладостями и маскарад в центре города.

На террасе Бриджей, как и у прочих домов в эту ночь, скалился фонарь из выскобленной тыквы. Стоило мальчишкам подняться по ступеням, как пламя свечи внутри плода дрогнуло и погасло. Чарли тут же толкнул товарища локтем и притворно округлил глаза.

– Дурной знак! – нараспев произнес он и принялся грызть пальцы, изображая панику. Кевин отпихнул шутника и постучал в дверь.

Сумерки еще не сгустились, но свет на веранде вспыхнул, и замок щелкнул.

– Да прибудет с тобой сила, капитан Спок! – воскликнул Чарли, вскидывая руку-крыло. Судя по белилам на лице, темным кругам под глазами и просторной накидке, Ленни и в этот раз выбрал образ добродушного привидения.

– Капитан Спок – герой «Звездного пути», а не «Звездных войн», невежда, – привычно отозвался Ленни.

– Благодарю за науку, Каспер.

– Ты готов? – прервал их перепалку Кевин. Бридж кивнул

и скрылся в глубине прихожей.

– Секунду! Только натяну кроссовки.

Через пару минут возни и пыхтения Ленни возник на пороге. Бросив короткое «Мам, я ушел!», он притворил за собой дверь.

Едва они спустились на тротуар, как Фиббс, вечно охваченный азартом, произнес слова, ставшие роковыми:

– Парни, у меня идея!

– И в чем же она заключается? – полюбопытствовал Кевин.

– Навестим дом Вебстеров!

Это здание возвышалось на другом конце улицы гигантским интровертом, стоя отдельно от остальных жилищ. В нем давно не было ни газа, ни электричества, а в крыше зияла дыра. Дом пустовал десятилетиями и, как водится, благодаря сплетням обзавелся репутацией обители призраков.

Прежние владельцы давно покинули мир живых, не оставив наследников. Майра Вебстер скончалась от воспаления легких в пятьдесят четвертом году, а Стэн последовал за супругой спустя полгода. Городские власти пытались продать участок, но покупатели обходили его стороной. Многие, особенно приезжие, поначалу горели желанием приобрести недвижимость, однако сделки неизменно срывались по неясным причинам. Когда от дома отказалась четвертая пара подряд, поползли слухи о проклятии. Нашлись те, кто утверждал, будто слышит голоса, доносящиеся из пустых комнат

глубокой ночью. Старожилы клялись всеми святыми, что узнают интонации Стэна и Майры.

Патрик Нолан, отец Кевина, в подобных случаях лишь неодобрительно качал головой. «Поразительно, как много в нашем городе недоумков, старательно выдающих себя за вменяемых людей», – неизменно цедил он, стоило зайти речи о жилище Вебстеров. Кевин безгранично доверял отцу и сам частенько подтрунивал над теми, кто верил в мистику, однако в эти мгновения по его спине пробежал неприятный холодок.

– Я туда не ногой! – отрезал Ленни.

– Струсил? – тут же поддел его Чарли.

– Вовсе нет! – Бридж пошел в оборону. – Просто не хочу, и точка. Идите сами, а я подожду здесь.

– Ты отказываешься только потому, что боишься!

– Неправда!

– А я говорю – правда!

Пока друзья препирались, Кевин задался вопросом: хватит ли у него духа исполнить задумку Чарли? Одна его часть самоуверенно твердила, что это проще простого, другая же предпочла предательски промолчать. Собрав волю в кулак, Кевин решительно произнес:

– Я готов.

Спор мгновенно затих. Товарищи уставились на него: Ленни – с немим укором и изумлением, отчего театральная бледность на его лице стала пугающе естественной, а Чарли

– с восторгом наставника, чей юный ученик внезапно решил задачу невероятной сложности.

– Настоящий мужик, Нолли! – Фиббс одобрительно хлопнул его по плечу. – Вот Кевин – храбрец, а ты, Ленни, ведешь себя как девчонка.

– Никакая я не девчонка! Я тоже иду, – сдался наконец Бридж.

Теперь, спустя два десятилетия, почти не проходило дня, чтобы Кевин не корил себя за ту легкомысленную уступчивость. Если бы он тогда принял сторону Ленни, всё могло сложиться иначе.

Когда они добрались до владений Вебстеров, миновав по пути пятерых призраков, троих вампиров, столько же ведьм, пару монстров и одного Дарта Вейдера с сияющим мечом, сумерки окончательно завладели городом.

Мальчишки замерли у лужайки старого двухэтажного здания. Земля здесь была скрыта под толстым слоем палой листвы и бурьяна. За мутными, испещренными трещинами стеклами царил мрак, казавшийся массивным, почти осязаемым телом, заполнившим комнаты.

– У нас еще есть шанс бросить эту затею и отправиться по соседям, как делают все нормальные дети, – предпринял робкую попытку Ленни, но, не встретив поддержки, добавил уже увереннее: – Самые лучшие сладости заберут эти несносные братья Келссо. Представляете, они постучались в наш дом, в то время как я только наряжался!

Вверх по улице с резким свистом взмыл снаряд, рассыпавшись в черном небе кроваво-красными искрами. Но если салют и отвлек мальчишек на миг, то доводы Ленни так и остались без внимания.

Когда огни погасли, взгляды друзей снова приковал дом. Периметр участка венчала сетка, призванная оберегать остов мёртвого особняка от незваных гостей. Впрочем, подростков изгородь никогда не пугала: дом давно превратился в место паломничества старшеклассников, искавших уединения вдали от взрослых глаз. Заброшенные стены хранили память о первых затяжках, глотках виски и несмелых поцелуях. Ночью же дом становился идеальной декорацией для жутких историй.

Пять лет назад власти окружили территорию лентами с предостережениями об опасности, объявив здание аварийным. Время шло, но дом стоял. Он замирал весной в объятиях зелени, прятался летом в метели одуванчикового пуха, угрюмо взирал на мир из-под снежных шапок зимой и, конечно, растворялся в охре осенних красок. Почтовый ящик с фамилией «Вебстеры» год от года покрывался ржавчиной, теряя остатки голубой краски. Флажок, когда-то возвещавший о приходе газет или счетов, давно замер в нижнем положении, и ничто не предвещало перемен.

Чарли первым наскучило созерцание ветхих стен. Он направился к сетчатому ограждению справа от дома, где скрывался потайной лаз, известный всей местной детворе. После

каждого визита дыру тщательно маскировали ветками и мусором.

Кевин последовал за ним, а следом поплелся и Ленни. Он тяжело дышал и продолжал ворчать, проклиная их затею. Миновав ограду, Чарли подошел к окну. Распахнув ставни, он ухватился за карниз и подтянулся.

– Эгей! Миссис Вебстер, я чувствую аромат ваших фирменных пирогов! Решил вот заглянуть на часок. А вы, мистер Вебстер, не угостите нас прохладным пивом?

Кевин и Ленни не выдержали и прыснули от смеха. Тем временем Чарли уже взобрался на подоконник и, махнув рукой, скрылся в пугающей черноте дома.

Кевин неторопливо приблизился к окну, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-то в той густой черноте, что пробуждалась здесь после каждого заката на протяжении многих лет. «Действительно ли я готов идти за Чарли?» – спросил он себя. Словно читая его мысли, из-за спины донесся голос Бриджа:

– Кевин, может, не стоит?

Просьба Ленни подействовала на него с точностью до наоборот. Подтянувшись, мальчик уперся грудью в карниз, выпрямил руки и перекинул ногу через раму.

– Парни, вы где? – позвал их Чарли. Судя по приглушенному эху, он уже успел перебраться в соседнее помещение.

Кевин спрыгнул, приземлившись на корточки. Ленни, оставшийся снаружи, жалобно попросил подождать его, но

Кевин проигнорировал товарища.

В доме стоял терпкий запах сырости. Тусклый свет, просачивавшийся сквозь проем, высвечивал лишь лоскуты заплесневелых обоев и облупившуюся штукатурку. За спиной тяжело запыхтел Ленни. Сделав несколько шагов вперед с вытянутыми руками, Кевин вдруг вообразил, как его пальцы касаются чего-то мягкого, горячего и липкого. Наверняка это плоть монстра, поселившегося в этих стенах сразу после смерти хозяев. Липкий страх окутал его холодным пледом; Кевин тряхнул головой, стараясь отогнать дурную фантазию.

Глаза постепенно привыкли к сумраку, и теперь Кевин различал дверной проем, в котором скрылся Фиббс. Стоило двинуться с места, как половицы жутко закрипели, напоминая о своей ветхости. Казалось, доски насквозь изъедены жуками-точильщиками и под хорошим прыжком неизменно проломаются. Оставалось надеяться, что у Вебстеров не было подпола – или хотя бы деревянный настил был не единственной преградой над зияющей пустотой.

Миновав порог, он оказался в еще более темной комнате. Справа вновь раздался скрип, и Кевин непроизвольно вздрогнул. Сердце пустилось вскачь, отдаваясь гулкими ударами в горле и висках.

- Чарли? – позвал он чуть надломленным голосом.
- Я, – отозвался тот. – А ты кого ждал? Чету Вебстеров?
- Хватит над ними издеваться!
- Думаешь, они меня слышат?

Оба негромко приснули, хотя старались смеяться как можно тише. Шутки шутками, но гневить призраков не хотелось даже тем, кто в них не верил.

– Где Ленни? – спросил Чарли.

– Застрял в первой комнате.

– Ну и трус. Пошли.

– Куда?

– Как это «куда»? На второй этаж. Ты думал, мы просто заглянем в гостиную и сбежим? Нет, Нолли, раз уж мы здесь, нужно побывать наверху. Ты со мной?

– Конечно, – возмутился Кевин, хотя в глубине души уже не был так уверен в своей отваге. – И не называй меня Нолли!

– Парни? – вновь донесся голос Ленни из глубины дома.

– Где вы?

Кевин почувствовал на плече ладонь Чарли и его горячее дыхание у самого уха.

– Идем быстрее, – прошептал Фиббс. – Пусть догоняет. Заодно и от страха излечится.

Кевин кивнул и двинулся следом. В сумраке он уже различал очертания лестницы, но всё равно выставил руки вперед: уж лучше первыми со стеной встретятся пальцы, чем нос или зубы.

Они начали подъем. Ступени, вторя половицам, стонали и охали под их весом, словно каждое движение причиняло им физическую боль. А где-то внизу всё еще слышался голос Ленни, безнадежно зовущий друзей по имени.

Они добрались до лестничного пролета, когда Чарли осе-
нила очередная «гениальная» идея. Схватив Кевина за за-
пястье, он вновь зашептал, едва сдерживая ликующий по-
рыв:

– Слушай, давай разыграем Ленни!

– Это как?

– Напугаем его до икоты, как же еще!

– Эй, парни, отзовитесь! Хватит играть! – доносилось сни-
зу. Голос Бриджа дрожал. – Не оставляйте меня одного!

– Он и так на взводе, – хмыкнул Чарли. – Нам остается
только немного повздыхать и поохать.

Кевин поддержал затею, и друзья в считанные мгновения
преодолели второй марш лестницы.

Наверху царил такой же непроглядный мрак. С улицы до-
несся свист очередной ракеты. Кевин подумал, что в ком-
нате с проломленной крышей вид рассыпающихся искр мог
быть завораживающим, но делиться мыслями с приятелем
не стал. Зачем? Фиббс горел желанием довести розыгрыш до
конца, и эстетика ночного неба его сейчас не заботила.

Двери комнат были прикрыты, но первая же из них легко
поддалась Чарли.

– Ленни! – гаркнул он.

– Я здесь! – отозвался Бридж, чей голос заметно повеселел
при звуке человеческой речи. – Вы где, ребята?

– На втором этаже! – крикнул Кевин. – Поднимайся к нам!

– Что вы там делаете? – Ленни пытался придать интона-

циям суровости, но одолевающий его страх сводил все старания на нет.

– Живее, толстячок Каспер! – пропел Чарли. – Мы ждем!

– Не называй меня так! – огрызнулся Ленни. Послышались торопливые шаги, которые замерли у подножия лестницы, а затем сменились натужным скрипом ступеней. Ленни медленно поднимался. В это время шутники затаились в комнате, пропитанной запахом затхлости и пыли, которая неприятно щекотала ноздри.

– Эй!.. – голос Ленни вибрировал от ужаса. Кевин невольно задумался: о чем сейчас думает их малодушный друг? Представляет ли он чету Вебстеров, чьи лица давно превратились в бесформенные маски? Или боится, что с друзьями случилось нечто непоправимое, и эта беда поджидает его наверху?

Скрипнула последняя ступенька, и шаги стихли. Им на смену пришло тяжелое, свистящее дыхание. Ленни был взвинчен до предела.

– Ребята, ну хватит, – произнес он, уже не скрывая слез. – Ответьте мне, пожалуйста. Он сделал несколько несмелых шагов и замер как раз напротив двери, за которой притаились друзья.

Чарли решил, что настал момент для кульминации. Он дернул Кевина за рукав, давая сигнал. В эту долю секунды Кевина прошибло дурное предчувствие: будто нечто мертвое выдохнуло застоявшийся воздух из гнилых легких ему

прямо в лицо. Он замешкался. Но Чарли, лишенный дара предвидения, уже выскочил из засады, словно черт из табакерки.

– Р-р-р-а-а!!! – зарычал он, цепляясь пальцами в плечо Бриджа. – Отдай мне свою душу!

Ленни истошно завизжал. Возможно, не будь на Чарли нелепого костюма мухи-инопланетянина, страх не был бы столь парализующим. Но в разгар Хэллоуина измученное воображение мальчика стерло границы реальности: перед ним стоял не лучший друг, а истинное чудовище, готовое сожрать живьём. Оглушительно крича, Ленни оттолкнул «монстра» так сильно, что тот повалился на пол, и бросился прочь к лестнице.

Ступени стонали под его ногами, подгоняя беглеца. Одна из досок с треском лопнула, но Ленни не заметил этого. Какое дело до ветхой лестницы, когда по пятам следует чудовище? Каким-то чудом он пролетел весь пролет, ни разу не оступившись. Он даже не касался перил, несясь во весь опор. Достигнув холла, мальчик прибавил скорости, стремясь к спасительному окну.

Добраться до него ему было не суждено. Гнилой, изъеденный термитами пол провалился, и тьма подвала поглотила Ленни быстрее любого воображаемого монстра. Панический крик резко оборвался. Звуки вновь стали приглушенными, доносясь лишь издалека, где городской праздник продолжал набирать обороты.

Кевин не помнил тогда и не мог вспомнить сейчас, сколько времени они с Чарли простояли на втором этаже в гробовом молчании. Первым из оцепенения вышел он.

– Ленни? – прошептал мальчик, впервые в жизни искренне мысленно молясь Богу об ответе, чего не делал ни перед сном, ни перед едой.

Чарли замер на полу, невнятно бормоча что-то под нос. Кевин прошел мимо него и начал спускаться, судорожно вцепившись в перила и вздрагивая от каждого стопа ветхих ступеней.

– Подожди меня, Кэв! – взмолился Чарли, с трудом поднимаясь на ноги, но Кевин не слышал. Все его внимание поглотил зияющий провал в центре холла, где бесследно исчез Ленни Бридж.

Стоило им преодолеть последнюю ступеньку, как Чарли мертвой хваткой вцепился в плечо друга.

– Осторожнее, Кэв, ради Бога, не торопись, – голос Чарли дрожал от едва сдерживаемых рыданий. – А если пол рухнет и под нами? Что нам теперь делать?!

«Ты меня об этом спрашиваешь?» – со злостью подумал Кевин. – «В нашей компании ты всегда был мастером выдумок». Вслух же он произнес:

– Мы выберемся отсюда и позовем взрослых.

Кевин гнал от себя мысли о непоправимом. «Нет! Ленни просто ударился и потерял сознание. Высота наверняка была небольшой», – убеждал он себя.

– Что теперь с нами будет? – шептал Чарли, не отрывая взгляда от бездны в полу, которую перечеркивали две дубовые балки.

По негласному согласию они двинулись к комнате с окном, прижимаясь спинами к стене. Чарли то и дело хватался за руку Кевина, стоило половицам издать очередной скрип. «Это всё из-за тебя, Чарли. Ты глумился над мертвыми, и они отомстили. Не Ленни должен был упасть!» – хотелось крикнуть Кевину, но ужас требовал молчания.

Обогнув угол и оказавшись в комнате с распахнутым окном, Кевин почувствовал мимолетное облегчение. Фиббс не отставал ни на шаг, и когда Кевин уже приготовился перелезть через раму, Чарли навалился сверху, пытаясь проскочить первым. Взаимная борьба привела к тому, что оба кубарем вылетели из дома, едва не ударившись головами о каменную террасу.

Оказавшись на воле, они бросились прочь, не разбирая дороги, словно пытаясь убежать от самого времени.

На следующий день, когда Фолкстоун содрогнулся от новостей, Патрик Нолан наказал сына недель домашнего ареста. Кевин не спорил, считая это взыскание несправедливо мягким. Когда вечером мать принесла ужин, он не выдержал:

– Мама, пожалуйста, мне нужно знать... как он?

Джуди Нолан поставила поднос на стол и, отвернувшись, направилась к выходу.

– Он в коме, – коротко бросила она и закрыла дверь.

Спустя две недели Ленни Бридж скончался, так и не придя в сознание. Гибель друга потрясла Кевина, навсегда изменив его. Он хотел проводить товарища в последний путь, но отец настоял – а скорее, мудро посоветовал – остаться дома. Кевин тогда еще не знал, что Чарли, смертельно боясь родительского гнева, выставил виноватым его. По версии Фиббса, именно Кевин затащил всех в дом Вебстеров и именно он решил напугать Ленни, что и привело к трагедии.

Семья Бриджей возненавидела Кевина. С тех пор, встречая его на улице, родители Ленни смотрели сквозь него, даже если мальчик здоровался первым. Общение с Чарли прекратилось навсегда; они стали врагами. Кевин больше не выходил на поле, если в команде был Фиббс, не ходил в кино или на рыбалку, где мог встретить бывшего друга. Они просто вычеркнули друг друга из жизни.

Неизвестно, терзался ли Чарли, но Кевин ни разу не пожалел о разрыве с ним. И не было дня, чтобы он не оплакивал Ленни. Ленни Бридж погиб почти двадцать лет назад. В Хэллоуин. Кевин ненавидел этот праздник и с тех пор никогда его не отмечал.

3.

Шагать босиком по прогретой земле, ощущая стопами ласку прохладной высокой травы, было на редкость приятно. Птичий гомон, доносившийся из чащи, успокаивал и бодрил, а величественные горные пики подманивали идти всё дальше. Но любому блаженству приходит конец. Стоило солнцу коснуться горизонта и залить небо багрянцем, как стало ясно: день на исходе, а пейзаж вокруг остался прежним. Эта неподвижность мира лишала дорогу всякого очарования – сколько бы они ни шли, горы и лес застыли в своем бесконечном однообразии. Единственным исключением в этой череде застывших видов стала горная река с кристально чистой водой. Наполнив фляги, путники без промедления двинулись дальше.

В вышине засияли первые звезды; они одиноко взирали на странников, неотступно следуя за ними. Когда же черное полотно окончательно слилось с серебристой россыпью точек, Кевин остановился, прижав ладонь к правому боку – ноющая боль там становилась нестерпимой.

– Ты как? – поинтересовался Марк.

– Устал, – коротко ответил он. – А еще я дико зол. Эта картина преследует нас с самого утра и никак не хочет меняться. Сколько нам еще надо пройти, чтобы встретить хоть одно живое существо? Кролик, который попался четыре ча-

са назад в твою самодельную ловушку, не в счет.

– Пожалуй, сделаем привал. Ночь – опасное время суток. – Марк огляделся по сторонам, словно ожидая внезапного нападения. – Зажжем костер. Он удержит хищников на расстоянии.

Кевин согласился, и вместе они принялись собирать хворост. У самой опушки леса лежала поваленная старая ель. С помощью топора, прибывшего с ними из Молодого Мира, они нарубили веток, которые громко трещали и обещали сильный жар. Марк довольно просто развел огонь, используя два белых камня с острыми гранями. Таких камней здесь было вдоволь.

Заснул Кевин быстро и проспал до самого утра. На следующий день, после легкого перекуса, они снова отправились в путь. Кевин надеялся, что утро принесет удачу и встречу с жителями какого-нибудь поселения, но к середине дня его надежды начали гаснуть.

– Эта цепочка гор и хвойный лес будут преследовать нас вечно? – раздраженно спросил он. – Уже скоро полдень, а мы всё так же следуем по одному и тому же маршруту, словно по кругу.

– Мы можем свернуть в лес и идти дальше, продираясь через кустарники и колючие лапы елей, – предложил Марк и тут же засмеялся, стоило Кевину взглянуть на него с укором.

– Ты издеваешься?

– Нет, Кевин. Просто хочу, чтобы ты не относился ко все-

му столь критично.

– Я поражаюсь твоей невозмутимости, Марк. Разве ты не устал от этого однообразия?

– Нет, – покачал головой Марк. – Я ведь Скиталец. Мы часто путешествуем пешком, и бывает, что нас окружают одинаковые просторы неделями, и ничего – мы не жалуемся. Признай: лес, горы и трава гораздо лучше Пустынного Плато в Зиаме. Там пески окружали нас еще дольше.

– Не спорю, Марк. Но у нас тогда были лошади. А сейчас даже диких мустангов не видать.

Марк начал пристально вглядываться вдаль. Кевин проследил за его взглядом. Где-то на самом горизонте зеленые просторы меняли свой цвет на желтоватый.

– Что это?

– Не знаю. Но могу предположить, что это именно то, что ты так долго хотел увидеть – смена декораций.

– Ну и прекрасно! Наконец-то что-то новое.

– Не забывай, – настороженно изрек Уотер. – Новое не всегда значит лучшее.

– Пусть даже и так. Я уже рад, что наш путь приведет нас хоть к чему-то.

Кевин, не отводя глаз от желтеющего горизонта, зашагал быстрее. Марк, пожав плечами, последовал за ним.

– Как, по-твоему, что могло столь сильно изменить климат? Ведь впереди начинается пустынная местность. Мне плохо видно, но в своих словах я уверен.

– Ты прав, Кевин, это пустыня. И ее происхождение явно не связано с природным катаклизмом. Скорее всего, впереди нас ждут проклятые земли. – Судя по виду Марка, он был серьезно обеспокоен.

– Думаешь, те земли чем-то схожи с Ивэнским лесом, где жила ведьма?

– Возможно.

Тем временем желтые сухие земли становились всё ближе, при этом плавного перехода не было. Казалось, кто-то просто провел черту, где живое сменялось мертвым. Заснеженные горы, что тянулись по правую сторону, на засушливой стороне полностью теряли свои вековые шапки. Даже казалось, что камни там были не черными, а красными, раскаленными от солнца. Трава, пока еще сочная и зеленая, резко сменялась песком. Ветер в тех местах не выводил приятную мелодию, а звучал резко и скрипуче.

Спустя час они подошли к границе двух разных царств. Не обсуждая это, путники разом остановились, не решаясь сделать шаг на проклятую землю. Несколько деревьев росли прямо на условной черте: одна их часть была зеленой и богатой хвоей, а другая – сухой и болезненной. Здесь они решили надеть сапоги. Идти по выжженной земле босиком больше не казалось заманчивой идеей.

– Как думаешь, мы не превратимся в дряблых стариков или вовсе в скелеты, если ступим на эту землю? – спросил Кевин.

– Думаю, нет, но утверждать не стану. – Марк достал флягу и сделал небольшой глоток. – Но одно мне известно точно.

– И что же?

– В этих местах жили люди.

– С чего ты взял?

– Проклятия накладываются на людей, а земля – лишь безвольная участница.

– Тогда нужно идти, – заметил Кевин и шагнул вперед. Носок его сапога коснулся песчаника, а каблук остался на травянистой почве.

– Попридержал бы ты коней, – посоветовал Уотер. – То, что сильный маг проклял поселение, еще не значит, что люди живы. Разве Аллест тебя ничему не научил?

– Зачем насыщать засуху, если проклятие подразумевает быструю смерть? – поинтересовался Кевин. – Не думаю, что они мертвы.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Ты, безусловно, прав.

– Но люди наверняка покинули эти края, когда всё начало умирать.

– А здесь ты ошибаешься. От проклятия нельзя убежать. – Марк нахмурил брови и подошел ближе, глядя на правую ногу друга. – Ты это видишь?

Кевин взглянул вниз и резко отступил назад, на живую траву. Спустя пару минут носок его сапога снова оказался на песке, хотя сам Кевин не двигался.

– Оно растет? – выдохнул он.

– Мертвая земля расширяется.

Чтобы убедиться в догадке, Нолан посмотрел на деревья, росшие на границе. Еще недавно живая и сухая части делили стволы пополам, а теперь мертвая кора доминировала в этой неравной битве.

Марк сделал глоток из фляги, а затем плеснул на сухую землю немного воды. Темное пятно тут же испарилось, но на песке на миг пробились крошечные ростки, чтобы через секунду завянуть и раствориться в пыли.

– Что у тебя во фляге?

– Вода, – коротко бросил Марк.

– Откуда ты знал, что она сотворит такое?

– Простая догадка, Кевин. С этих земель проклятие может снять либо тот, кто его наложил, либо проливной дождь. – Марк поднял голову к чистому небу без единого облачка. – Но дождей здесь, видимо, не было очень давно.

Марк Уотер замолчал и уверенно перешагнул невидимую полосу. Кевин последовал за ним и вмиг ощутил перемену: на пустынной стороне изменилась не только почва, но и воздух – он стал обжигающим и сухим.

– Пойдем, лучше не задерживаться, – посоветовал Марк.

– Воды у нас вдоволь, но кто знает, как далеко раскинулось проклятие.

Они двинулись в путь. Спустя десять минут Кевин с грустью оглянулся на зеленый пейзаж, который теперь казался оазисом в беспощадной пустыне. В сапогах было жарко, ноги

устанавливали быстрее, но Кевин не решался разуться, понимая, что идти по раскаленному песку босиком будет невыносимо. Он всё чаще прикладывался к фляге, делая по паре глотков. Влага мгновенно исчезала с губ; они сохли и слипались, отчего приходилось облизывать их, чувствуя солоноватый привкус крови.

Они шли, изредка останавливаясь для передышки, но не садясь на землю – от нее тянуло жаром, как от натопленной печи. День подходил к концу, и Нолан уже с трудом сдерживался, чтобы не подтрунивать над собой, вспоминая моменты, когда он, глупец, мечтал о смене ландшафта.

Сумерки сгущались, но палящее солнце лишь слегка ослабило хватку. Камзолы давно висели на локтях, а сорочки превратились в головные накладки. Кевин с радостью снял бы и штаны, но воздержался, не желая выглядеть глупо даже перед одним Марком. На миг он подумал о Линин: ей в таких условиях пришлось бы куда тяжелее. При мысли о ней сердце защемило. Бедная девушка. Ее смерть была на его совести – это он не уберег ее. Она искренне любила его, и эта любовь порой противостояла магии ведьмы, которая, точно паразит, требовала смерти Кевина. Линин до последнего боролась, и только ей было известно, через какую боль ей пришлось пройти.

Воспоминания оборвал резкий взмах руки Марка – будто Кевин беспрестанно болтал и Уотеру это внезапно надоело. Скиталец замер как вкопанный, слегка опустив голову.

– Что-то не так? – спросил Кевин.

Марк приложил палец к губам, призывая к молчанию. Кевин огляделся, вслушиваясь в вечернюю тишину. Он уже хотел сказать, что ничего не слышит, как вдруг из леса, где сплетение ветвей и мрак не позволяли ничего разглядеть, донесся отчетливый треск сухой ветки. Кевин резко обернулся на звук, Марк же даже не шелохнулся. Как ни всматривался Нолан в чащу, он так и не смог никого увидеть.

– Как думаешь, кто это? – шепотом спросил он. – Зверь? Птица? Бэнши?

Прошло полминуты, прежде чем Марк удостоил его ответом:

– Человек. Бежим!

– Что?.. Кевин не успел договорить – сильный толчок в спину бросил его вперед. Он пошатнулся, теряя равновесие. Падая, Кевин подметил, что удар Марка был невероятно мощным. Прежде чем лицо уткнулось в горячий песок, та же сильная рука перехватила его за ворот, приподняла и помогла обрести опору. Затем Марк снова подтолкнул его, но уже мягче.

– Не оборачивайся! – прокричал он. – Просто беги!

Кевин внял совету и помчался что есть силы. Зрение в сгущающихся сумерках было плохим помощником: под ногами, помимо песка, то и дело попадались галька и валуны, напоминавшие о тянущейся неподалеку горной гряде.

Хотя Марк держался позади, Кевин не сомневался, что

Скитальцу не составит труда обогнать его. Но Уотер явно предпочитал держать товарища в поле зрения. Если преследователи настигнут их, Марк примет удар первым – он явно заботился о безопасности спутника больше, чем о своей.

Кевина так и подмывало обернуться или спросить, кто за ними гонится, но он сдерживался, боясь, что вопросы замедлят бег. На протяжении всего марафона он слышал лишь собственное тяжелое дыхание, топот каблуков и удары сапог о камни. Он чувствовал незримое присутствие Марка за спиной – и больше ничего. Когда усталость навалилась свинцовым грузом, а в горле запершило от нехватки воздуха, Кевин начал сомневаться, что за ними вообще кто-то есть. Но Марк продолжал подгонять: «Быстрее!», «Не останавливайся!», «Они уже близко!».

Силы были на исходе, Кевин всё чаще сбивался с ритма. Казалось, легкие заполнились раскаленной жидкостью. Тело взмокло от пота, и теперь встречные потоки воздуха казались прохладными – это была единственная радость в этом безумном кроссе. Сколько они бежали? Десять минут? Пятнадцать? Он потерял счет времени и был близок к тому, чтобы просто рухнуть.

– В лес! – скомандовал Марк, направляя его к высохшим стволам. – Быстрее, Кевин, не останавливайся!

– Стараюсь! – прохрипел Нолан, задыхаясь. Марк же выглядел совсем не уставшим, и это злило. Кевин злился на самого себя: почему он так быстро выдохся? Ведь он дважды в

неделю ходил в зал, не пропускал тренировок, пользовался беговой дорожкой! Ему казалось, он в прекрасной форме, но сейчас, рядом с Марком, он чувствовал себя жалким и беспомощным.

– Они догоняют!

– Кто – они?! – Кевин нашел в себе силы выкрикнуть вопрос, но тут же сам всё понял. Впереди, у самой опушки, высился деревянный столб, украшенный резьбой и грозным ликом. Он был раскрашен в красный, желтый и синий цвета. Индейский тотем.

Едва осознание пришло к нему, как левая нога задела что-то – корягу или кочку. Будь Кевин полон сил, он бы даже не заметил помехи, но сейчас он просто не удержался и рухнул на живот. В этот раз рука Марка не успела его подхватить. Кевин попытался подняться, преодолевая боль во всем теле. Одна часть сознания требовала встать и бежать, другая – предательски шептала, что он слишком слаб. Тяжелый удар по затылку чем-то твердым примирил обе стороны, отправив его в глубокий сон.

Глава 3: Банда Благородных

1.

«Как же мне скучно», – не переставала вздыхать Эллин Фол Риф Томин. Юная особа из высшего общества с томным видом созерцала пейзажи за окном поезда, который мчался на север, проносясь мимо бесконечного разнообразия местной флоры.

Эллин сопровождали мать и тетка; они направлялись с визитом к родителям ее безвременно ушедшего отца. Ральф Томин скончался от гангрены, когда дочери едва исполнилось пять лет. С тех пор для стариков единственным утешением была возможность как можно чаще видеть внучку. Мать Эллин свято чтит память мужа – воспитанная в строгих традициях, она даже в брак вступила по воле родителей, согласно сухому договору. Девушка никогда не решалась спросить, любила ли та своего супруга, считая подобные расспросы верхом неприличия, однако тайные думы не давали ей покоя. Эллин страшилась дня, когда и ее судьбу решит чей-то расчет, сосватав за владельца лесопилни, и она до конца своих дней останется самой несчастной женщиной на свете.

Впрочем, пока ей исполнилось лишь шестнадцать, и в их

доме еще не появлялись сваты, хотя отбоя от кавалеров не было. О, если бы мать знала, что свой первый поцелуй Эллин подарила сыну конюха в двенадцатилетнем возрасте! Тогда она ежедневно, под предлогом прогулки, ускользала к нему, чтобы укрыться за конюшней. Их детским забавам пришел конец, когда подростков застиг отец мальчика. Ей, разумеется, ничего не прилетело, а вот сына тот высек без малейшего сострадания. После этого свидания прекратились.

Следующим серьезным увлечением стал кузен по материнской линии. На самом деле юноша был приемным, и, хотя этот факт пытались утаить, истина вскоре открылась. Эллин не видела преград для тайных встреч с названным братом. С Томом всё зашло гораздо дальше простых нежностей: их объятия становились всё более смелыми и интимными. Кто знает, к чему бы привело подростковое любопытство, если бы не трагическая случайность. Том упал с лошади во время объезда владений. Животное, испугавшись чего-то в густой траве, сбросило наездника и несколько раз ударило его копытами. Юноша промучился две недели и скончался. На похоронах было многолюдно, многие плакали, но Эллин верила, что ее горе – самое безутешное. Почти месяц она страдала от бессонницы и отсутствия аппетита, терзаясь вопросом: почему мир столь жесток, что отнимает жизни четырнадцатилетних мальчиков, разбивая сердца юным девам? Однако со временем боль утраты притупилась, а вскоре и вовсе перестала ее тревожить.

И вот, стоило ей три недели назад встретить Калеба – молодого кавалериста при губернаторском дворе, на котором так безупречно сидел мундир, – как матери и тетке, старой деве, приспичило навестить родню по отцовской линии. А ведь именно сегодня он звал ее на прогулку в губернский парк к лебединому пруду.

– О чем ты задумалась, дочь?

Голос матери, как всегда, звучал холодно и бесстрастно. Казалось, чувства Эллин ее совершенно не заботили, а вопрос был продиктован лишь светской вежливостью.

– О том, как чудесно сейчас в губернском парке, у воды.

– В имении твоих дедушки и бабушки тоже есть пруд, совсем рядом с особняком. Сможешь бывать там.

– Да, матушка, но наш пруд гораздо больше и живописнее того, что в их поместье. Это даже нельзя сравнивать.

– Размер не имеет значения, дитя.

«Позволю себе не согласиться, мама», – с легкой усмешкой подумала Эллин и тут же отогнала эти мысли: благовоспитанной леди не пристало размышлять о подобном.

– Впрочем, все водоемы одинаковы, – добавила мать, продолжая сидеть с безупречной осанкой, словно к ее спине был привязан стальной стержень.

– И не забудь надеть золотую брошь, которую тебе преподнесли на день рождения, – вставила свое нравоучение теть Тэрри.

Эллин недовольно скривила губы. Ей никогда не нрави-

лась эта безделица. С детства она панически боялась пчел, и родственники прекрасно об этом знали. Почему им не пришло в голову ничего лучше, чем подарить украшение в виде этого ужасного насекомого? Девушке оставалось лишь открыть сумочку и извлечь подарок. Мать лично прикрепила его к воротнику платья дочери.

– Вот так, – бросив короткий взгляд на брошь, произнесла Нэлл Фол Риф Томин. – Родителям твоего отца будет приятно. И, ради Океана Надежд, постарайся проявить к ним больше чуткости. Не отвечай на вопросы так вяло.

– Я бы с радостью, но это утомительно – из раза в раз выслушивать одно и то же.

– Эллин Присцилла Корнуолл Фол Риф Томин! Как вы смеете дерзить матери?! – воскликнула тетя Тэрри.

– Простите, матушка.

«Ах, если бы на поезд напали разбойники», – добавила про себя Эллин. – «Пусть бы они похитили меня, я была бы только рада». В газетах то и дело мелькали заметки об очередном налете на пассажирские составы или дилижансы, так что подобный поворот событий казался вполне вероятным. Но пока оставалось лишь грезить об этом под монотонный стук колес.

Спустя пять минут матери и тетке Эллин захотелось отлучиться. Получив краткую передышку от их неусыпного гнета, девушка решила посвятить свободное время чтению томика стихов своего любимого поэта – Роберта Мас Вин

Дрейка. Нэлл Томин не одобряла увлечение дочери, называя автора не иначе как «грубым, неотёсанным мужланом». Причиной тому была тематика его произведений: Дрейк воспевал суровую мужскую дружбу и тяготы войны. Эллин же, напротив, была очарована его слогом. Он мастерски подбирал образы, отчего строки в ее воображении обретали объем и несказанную красоту. С каждым пренебрежительным замечанием матери восхищение талантом поэта в душе девушки лишь росло.

Она часто пыталась представить, как выглядит Роберт Мас Вин Дрейк. Воображение рисовало статного, сильного мужчину не старше сорока лет. Его лицо наверняка потемнело от палящего солнца и пронзительных ветров тех стран, где он побывал. Морщинки у глаз, по ее мнению, не старили его, а лишь подчеркивали мужество. Эллин верила, что на его щеке непременно должен быть шрам – отметина одной из бесчисленных битв. И, вопреки капризам матери, поэт в ее мечтах обладал безупречными манерами и обширными владениями, которые невозможно объехать и за несколько дней.

Открыв книгу на любимом стихотворении «Усталый странник», Эллин погрузилась в чтение. Окружающая действительность мгновенно растворилась, и богатая фантазия перенесла ее на страницы произведения.

*Гонимый ветром лист осенний летел за мною по пятам,
Пылая ярче крови алой, стекавшей по моим рукам.*

Опередив меня, он скрылся в тягучей гари черной тьмы,
В которой я на свет родился под вопли стонущей войны.
Враги кривили рты в гримасах и пили жадно боль мою,
Когда стоял я на коленях, не веря ворона вранью,
Что мне придется здесь остаться, забывший лица тех,
кого

Знавал я в прошлой своей жизни, и не осталось ничего,
Чего хотел бы вновь увидеть, пред тем как Стикс свое
возьмет,

Как сердце перестанет биться, и друг погибший позовет.
Он позовет, и я откликнусь – в этом сомнений точно нет,
Но прежде чем я с ним увижусь, дам не ему – себе обет:
Моя рука в пыли кровавой поднимет молот боевой,
И за моей спиной усталой раздастся клич – и снова в бой!
Я поведу тех, кто остался лишь призраком в дыму огня,
В последний путь геройской славы, победы жар в душе
храня.

Падут враги, падёт их знамя, падёт их дух во славу мне,
И имена гостей Харона напишем кровью на стене
Тех крепостей, что мне являлись в тревожных снах и на-
яву,

Где вольный ветер поселится, когда в ворота я постучу.
Без тени жалости и скорби я отомщу своим врагам,
И крики их станут наградой, давно обещанной друзьям.
Остынет бой, но ненадолго, я через Стикс построю
мост...

– «И раны наши исцелит лишь пыль веков в сиянье звезд».

Эллин вздрогнула. Зачитавшись, она совершенно не заметила чужого присутствия. Напротив нее сидел симпатичный незнакомец в дорогом костюме и шляпе с узкими полями. Едва заметная улыбка тронула уголки его губ. Именно он закончил последнюю строку «Усталого странника».

– Вам нельзя здесь находиться, – прошептала Эллин, боязливо оглядываясь. – Если мать и тетюшка увидят вас, они будут в ярости.

– Признаться, я еще не встречал столь юных особ, увлекающихся творчеством Роберта Дрейка, – произнес молодой человек, проигнорировав ее предостережение.

– Он мой любимый поэт, – не удержалась от ответа Эллин, хотя и понимала, что разговор с незнакомцем – верх неприличия. Юноша был старше нее всего на пару лет и полностью соответствовал ее вкусу. К тому же он цитировал Дрейка, пусть и назвал его имя без полагающихся титулов.

«О, Океан Надежд, пусть матушка и тетя задержатся еще хоть ненадолго», – взмолилась она про себя.

– И мой тоже. Я знаком с его стихами с самого детства. И даже более того, – парень слегка подался вперед, понизив голос, будто собирался доверить ей важную тайну. Эллин невольно склонилась к нему в ответ. – Я знаю Дрейка лично.

Глаза девушки вспыхнули от восторга. Услышанное настолько поразило ее, что в голове тут же мелькнул вопрос:

«Искренен ли он или просто желает произвести впечатление?». Так или иначе, незнакомцу это удалось.

– Если вы говорите правду, я вам несказанно завидую.

– Можете не сомневаться в моих словах. Я не привык вводить в заблуждение юных знатных особ. Тем более столь прелестных, – и вновь его губы тронула улыбка, которой можно было любоваться часами.

«Этот юноша заставляет меня краснеть. Кажется, я готова сдаться на милость победителю», – подумала Эллин, чувствуя, как сознание окутывает приятный туман.

– Тогда утолите моё любопытство: расскажите, как выглядит Роберт Мас Вин Дрейк? Он ведь статен, высок и, несомненно, обладает изысканными манерами?

Парень откинулся на спинку кресла и задумчиво сжал губы.

– Боюсь, всё обстоит ровно наоборот. Роберт Дрейк стар, невысок, почти лыс и чрезвычайно худощав. К тому же он обременен множеством пороков: крепкий алкоголь заменяет ему завтрак, табачный дым – обед, а общество девиц легкого поведения – ужин.

– Вы шутите надо мной?

– О нет. Я поведал вам чистую правду.

– Но скажите хотя бы, скольких войн он был участником?

– Ни одной.

– Но откуда тогда он черпает вдохновение для своих творений?! – почти в отчаянии воскликнула Эллин.

– Он водит знакомство со многими ветеранами, а богатое воображение обеспечивает ему успех у поклонников поэзии, а также у дам. Это привело к тому, что на сегодняшний день у него пятеро сыновей и восемь дочерей. А сколько детей рождено вне брака, не ведает и сам Дрейк.

– Но как вам стали известны подробности столь интимного свойства? – спросила девушка, ощущая горькое разочарование в кумире. Как ни прискорбно было это признавать, но, похоже, мать оказалась права.

Юноша вновь склонился к ней.

– Простите мою бестактность, я не представился. Меня зовут Альберт Мас Вин Дрейк, и я – один из сыновей вашего кумира.

Эллин долго не могла прийти в себя после столь невероятного признания. Неужели перед ней действительно сидит наследник знаменитого поэта? О, Океан Надежд, Лори Финли и Сара Бернс ни за что ей не поверят! Как бы она хотела, чтобы подруги оказались сейчас рядом – они бы просто сгорали от зависти.

– Роберт Дрейк никогда не был праведником, а отец из него вышел и вовсе отвратительный. Но гения я в нем признавал всегда, – продолжил Альберт. – В детстве, читая его строки, я верил, что мой родитель – герой бесчисленных сражений, истоптавший не одну пару сапог на пыльных дорогах

и видевший смерть в лицо. Он был моим идеалом. Я робел перед ним и не смел заговорить первым. Отец же, при всей своей смелости, никогда не испытывал желания поговорить со мной по душам. За всю жизнь мы не обменялись и парой сотен слов. И то были не теплые фразы, предназначенные близким, а лишь сухой обмен информацией или очередные требования с его стороны.

Карие глаза юноши затуманились, взгляд устремился в пустоту – казалось, он напрочь забыл о своей собеседнице. Но Эллин это не задело. Она была очарована его печальной исповедью и им самим. Внезапно задумчивость исчезла: Альберт вновь посмотрел на нее и улыбнулся так беззаботно, будто и не было того отрешенного выражения лица.

– Великие таланты, как правило, одиноки и нередко эгоистичны, – подытожил он.

– И он продолжает творить?

– Мы не виделись почти три года, так что мне неизвестно, как обстоят его дела сегодня.

– А что заставило вас покинуть отчий дом? – с живым любопытством осведомилась девушка. Эллин и сама частенько грезилась о том, как однажды сбежит от опеки матери и тетки, но ей не доставало решимости. Она слишком привыкла к роскоши, доставшейся в наследство от отца – одного из богатейших людей губернии. Несмотря на некоторые финансовые потери, их семья по-прежнему входила в круг местной элиты.

– В душе я авантюрист. Обожаю странствия, новые знакомства и познание собственного «я» через риск. Жажда приключений у меня в крови...

– И чем же вы любите рисковать, касси Дрейк-младший? – спросила Эллин, втайне надеясь, что он не станет поправлять её, требуя именовать себя полноправным «кассом».

– Это еще что такое?!

Резкий голос матери заставил Эллин вздрогнуть. Судя по ледяному тону, Нэлл Фол Риф Томин была вне себя от ярости. Можно было подумать, что она застала дочь не за светской беседой с представительным молодым человеком, а за чем-то неслыханно постыдным.

– Матушка... – едва промолвила Эллин.

– Молчать! – прикрикнула Нэлл так громко, что пассажиры в вагоне начали оборачиваться. Такого жгучего стыда девушка не испытывала никогда в жизни. – Как вы посмели подсесть к моей дочери, пока она оставалась без присмотра?! – обрушила женщина свой гнев на юношу.

Тот сохранял абсолютное хладнокровие.

– И вы еще дерзаете именовать себя благородным кассом? Любой достойный муж знает: разговор с юной маэль в отсутствие сопровождающих – верх неприличия!

– А уж дожидаться, пока эти самые сопровождающие отлучатся по нужде, и вовсе подло, – поддакнула тетушка Тэри.

– Прошу прощения, если стал причиной вашего негодо-

вания, эсель, – спокойно произнес Альберт. Он поднялся и церемонно поклонился, как того требовал этикет.

– Мама, это сын Роберта Мас Вин Дрейка! Поэта! – заступилась за него Эллин, надеясь, что громкое имя смягчит родительский гнев. Но эффект оказался обратным.

– Теперь всё ясно! Он, как и его отец, – неотесанный мужлан, совершенно лишенный воспитания!

При этих словах в глазах юноши вспыхнуло опасное пламя.

– Я попрошу вас не оскорблять ни меня, ни моего отца, эсель. Из уважения к вашей дочери я пропущу эти слова мимо ушей. Но более я подобного не потерплю.

– Что-о-о?! – протянула тетя Тэрри, её круглое лицо пошло багровыми пятнами. – Ты, сопляк, еще вздумал нам угрожать?!

– Да что же это творится! – воскликнула Нэлл Томин. Эллин была готова провалиться сквозь землю. Она ожидала суровой реакции, но надеялась, что присутствие посторонних сдержит их бурный нрав. – Люди, позовите охрану! Пусть этого проходимца вышвырнут вон из вагона для благородного сословия!

– Хорошо! – резко оборвал её парень. – Я уйду. Но сперва...

Он не договорил. Молниеносным движением Альберт запустил руку за лацкан пиджака и извлек длинновольный револьвер. Словно по команде, с разных концов вагона вско-

чили двое вооруженных парней.

– Я возьму с вас некие отступные за причиненное мне беспокойство...

2.

Альберт Дрейк обожал предрассветную свежесть, а потому приучил себя просыпаться с первыми лучами солнца. Он ценил свободу и жаждал странствий по неизведанным краям, пообещав себе когда-нибудь отправиться в далекий путь в компании верных друзей. Юношу манила роскошь, но он не желал терять независимость, а потому с ранних лет искал занятие, которое принесло бы ему не только богатство и известность, но и истинное удовольствие. Проще говоря – он мечтал затмить славу своего великого отца. А где еще искать признание, как не в чужих землях, как можно дальше от родного порога?

Свои первые стихи Альберт сочинил в десять лет. Гордясь результатом, он решился показать их родителю – и до сих пор не понимал, откуда в нем взялось столько смелости. Отец разнес его опус в пух и прах, не оставив от детского творчества камня на камне и доведя сына до горьких слез. Именно тогда наследник знаменитого поэта решил избрать иной путь. На этой дороге его должны были ждать власть, деньги и обожание прекрасных дам. Альберт не сомневался: единственное, что может противостоять силе пера – это холодная сталь револьвера.

Своими замыслами он поделился с друзьями детства. То были его ровесники, такие же искатели приключений, все-

гда готовые подставить плечо. Винни Стоун – высокий, худощавый юноша с копной черных кудрей, не знавший равных в умении сбивать склянки галькой; Франс Тейт – приземистый, коренастый малый, который, судя по его поступкам, вовсе не был знаком с чувством вины; и кузен последнего, Билл – парень не самого острого ума, но всегда согласный на любую авантюру.

По мнению Альберта, из них вышла бы отличная команда, способная затмить таких одиозных личностей, как «Злой» Дон Биртрон или Тони Трейтс. Он прекрасно понимал: чтобы преуспеть, мало быть метким стрелком – нужно еще и звучное имя для банды. Полгода назад, когда их квартет только сформировался – еще без оружия, но уже вдали от дома, – пришло время выбрать предводителя и название.

Стояла ранняя зима. Они коротали время в гостинице за холустной, забытой Океаном Надежд губернии, где, кроме отеля, имелся лишь салун да десяток лачуг горнодобытчиков. Там не было ни мэрии, ни даже офиса шерифа. В комнате, которую делили Альберт и Винни, за плотными тенями ночи рождались планы на будущее. Почти каждый, за исключением Стоуна, видел себя главарем. Даже Билл Тейт заявлял о своих правах, хотя Альберт был уверен: стань тот лидером, их первое же дело закончится в казенном доме с решетками на окнах. Споры затянулись, доводы становились всё менее убедительными. Винни молчал до последнего, пока не произнес негромко:

– Во главе встанет Альберт.

Обычно Стоун был немногословен, поэтому к его словам прислушались сразу.

– Это еще с какой стати? – возмутился Франс Тейт.

– На то есть три причины. Во-первых, он среди нас самый сообразительный – и с этим глупо спорить. Во-вторых, он мастер по части планов.

– А в-третьих? – поинтересовался Билл.

– В-третьих, сама идея создать банду принадлежит ему.

Билл тут же переметнулся на сторону Альберта и Винни. Франс еще пытался протестовать, но, оказавшись в меньшинстве, сдался.

– Раз уж ты у нас главный, может, и имя нам придумаешь? – с вызовом бросил он, привычно жуя табак. Видимо, эта привычка добавляла ему мужественности в собственных глазах.

– Это не обсуждается, – отрезал Альберт. – Моя банда – мне и нарекать.

– Может, назовемся «Четыре друга»? – робко вставил Билл, но его предложение проигнорировали.

– Название должно отражать нашу суть.

– И что же нас объединяет? – вновь недовольно проворчал Франс.

– Я же говорил! – вклинился Билл. – Дружба!

– Молодость? Отвага? Благородство? – вполголоса перечислил Винни.

– Именно, Винс. Мы все – знатного происхождения. От этого и будем отталкиваться. Предлагаю отныне и впредь именоваться «Бандой Благородных».

Приятель переглянулись и согласно закивали. Даже Франсу имя показалось достойным.

Поскольку все они были выходцами из обеспеченных семей, при побеге из дома они прихватили с собой часть отцовских сбережений. Этого вполне хватило на еду, кров и снаряжение.

На следующий день «Банда Благородных» отправилась дальше. Спустя три дня они осели в более цивилизованном месте, где приобрели свои первые револьверы. Там же Альберт присмотрел магазин дорогого платья и повел туда друзей.

– Зачем нам эти наряды? – ворчал Франс. – На эти деньги можно купить больше патронов или неделями пировать в салунах.

– И кого же, по-твоему, мы будем грабить в начале нашей карьеры? – осведомился Альберт. – Обозы? Дилижансы? Или сразу почтовые поезда с золотом?

– Пассажиров первого класса, – верно рассудил Винни.

– Именно. А для этого мы и сами должны выглядеть как истинные мужья благородных кровей.

Портные сняли мерки, и спустя три дня друзья уже щеголяли в новых костюмах. Последующие месяцы они тратили деньги лишь на самое необходимое: провизию и боеприпа-

сы. Приятели ежедневно по два часа упражнялись в стрельбе в безлюдных местах. К назначенному сроку результаты распределились ожидаемо: лучшим стрелком стал Винни Стоун, выбивавший восемь мишеней из десяти с сорока шагов. За ним следовал Франс Тейт с шестью попаданиями, затем Билл – с четырьмя. Замыкал список главарь Альберт Дрейк, чья меткость ограничивалась жалкими двумя мишенями.

– Тебе и не нужно стрелять лучше всех, – подбодрил его как-то Винни, когда кузенов Тейтов не было рядом. – Достаточно того, что ты самый умный. Именно это делает тебя лидером.

– Ты, как всегда, прав, Винс. Но Тони Трейтсу это не мешало быть и главарем, и самым быстрым стрелком в округе. А «Злой» Дон Биртрон и вовсе палил с обеих рук без промаха.

– И что с того? Оба они закончили свой путь от пули. К тому же мы ведь хотим прославиться не только дерзкими грабежами, но и тем, что не прольем ни капли крови.

– Ты настоящий друг, Винни. Всегда находишь слова, чтобы вернуть мне уверенность.

– Знаю, – усмехнулся Стоун.

Первое ограбление они наметили месяц назад. Купили билеты до Криджуэлла, разработали нехитрый план, облачились в дорогие костюмы и... в последний момент передумали. Когда локомотив, окутанный облаками пара, замер у перрона, никто, кроме Франса Тейта, уже не считал эту затею

удачной.

– Думаю, нам стоит еще немного подготовиться, – рассудил Альберт.

– Да и с деньгами пока не туго, – подхватил Билл, явно ободованный возможностью отступить.

– В смысле «подготовиться»? – возмутился Франс. – Мы извели горы патронов и вполне созрели для дела!

– Палить по жестянкам и наставить ствол на человека – не одно и то же, – спокойно заметил Винс. Прищурившись, он наблюдал за пассажирами, которые поднимались в вагоны, не подозревая о намерениях четверки. – К тому же, если мне не изменяет память, мы так и не продумали путь отхода.

«А ведь Винс прав», – согласился про себя Альберт, не подав вида.

– Я не спорю, но когда-то ведь нужно начинать, иначе мы не банда, а кружок по интересам.

– Ровно через месяц мы вернемся на этот перрон, – уверенно заявил Альберт. – И если тогда мы вновь оробеем, я сложу с себя полномочия лидера. Даю слово благородного человека.

И вот, спустя месяц, они предъявили билеты, купленные с интервалом в полчаса, и заняли места в вагоне для знатных господ. В купе вошли Альберт, Франс и Билл. Винни Стоуна с ними не было – в этот раз ему отвели иную роль. Изначально Альберт планировал поручить отступление Биллу, но тот по-мальчишески заупрямился, требуя личного участия в

налете. В итоге Стоун вызвался подстраховать их снаружи. Альберт не был в восторге от этой затеи: он хотел, чтобы Винни был рядом в момент, когда придется обнажить оружие, поскольку Тейтам он до конца не доверял. Однако Билл был непреклонен, и Альберту пришлось уступить.

Со стороны они казались типичными представителями золотой молодежи: безупречно сидящие костюмы, гордая осанка, руки в карманах – образ беззаботных юношей, отправившихся в самостоятельное путешествие.

Они входили в вагон по одному под бдительным взором проводника – старика с солдатской выправкой. Под его холодным, пронизывающим взглядом Альберту стало не по себе. Казалось, ветеран видит их насквозь.

«Этак ты, парень, только немощных старушек грабить сможешь, а не поезда», – мысленно упрекнул он себя. – «И ты еще называешь себя главарем? Соберись и исполни всё по высшему разряду».

Альберт сжал губы и уверенно шагнул в вагон; друзья последовали за ним, затерявшись в толпе. Далее действовали по сценарию. Тейты заняли позиции у меж вагонных дверей. Франс пристроился рядом с долговязым мужчиной, похожим на бухгалтера или врача, а Билл сел неподалеку от пожилой дамы. У Альберта была полная свобода маневра – он играл роль «первой скрипки» в их совсем не музыкальном ансамбле. Пройдясь по вагону ленивой походкой и ода-ривая улыбкой каждого встречного, он остановил выбор на

трех женщинах, одетых весьма изысканно. Две дамы были в летах (*под сорок, никак не меньше*), а третья – совсем юна и привлекательна. Судя по её отрешенному виду, общество «нянек» ей порядком наскучило. Альберт миновал их и занял место через два ряда впереди.

Теперь оставалось только ждать...

Паровоз зашипел, окутавшись облаком густого пара, и лениво тронулся с места под мерный стук колес. Состав набирал ход, и унылое однообразие городских построек постепенно сменилось пригородами, а затем и бескрайними прериями. Альберт старался держаться уверенно, сохраняя вид праздного путешественника, но рука то и дело непроизвольно проверяла, на месте ли оружие. Проводник вновь прошествовал по вагону своей солдатской походкой, одарив юношу колким, подозрительным взглядом, будто читал его потаенные мысли. Но, так ничего и не сказав, старик скрылся за дверью соседнего вагона. Будь он чуть моложе, Альберт наверняка поддался бы панике, почуяв угрозу. Но старики, пусть даже из бывших вояк, оставались лишь тенью прошлого – им было не под силу тягаться с молодыми и ловкими парнями.

Вскоре две эсель поднялись со своих мест и направились к выходу из вагона. Вероятно, их отсутствие продлится минут десять – этого времени вполне хватило бы, чтобы завязать знакомство с очаровательным юным созданием.

Едва женщины скрылись из виду, Альберт встал. Поймав

на себе напряженные взгляды сообщников, он направился к девушке. Та была поглощена книгой. Заглянув ей через плечо, Альберт невольно расплылся в улыбке: тема для светской беседы возникла сама собой. Не иначе как само провидение благоволило ему.

3.

И вот револьверы обнажены, мосты сожжены. Началось то, ради чего они затеяли этот побег. Вместо страха Альберт ощутил мощный прилив адреналина – настал его звездный час. Пришло время отцовской славе померкнуть в лучах триумфа сына.

– Почтенные кассы и их спутницы! – прокричал на весь вагон Альберт Дрейк. – Для тех, кто еще не понял: это ограбление. Вас приветствует «Банда Благородных». Нам нужны лишь ваши деньги и украшения. Жизни тех, кто не станет возражать, нам без надобности. Чем скорее вы расстанетесь с ценностями, тем быстрее мы оставим вас в покое.

Альберт окинул взглядом притихших пассажиров, желая убедиться, что его слова восприняты всерьез. Судя по их побледневшим лицам, люди были склонны верить скорее дулам револьверов, чем его красноречию.

Долговязый мужчина, сидевший подле одного из братьев Тейтов, попытался вскочить – то ли за помощью, то ли в надежде спастись бегством. Но Франс был начеку. Резким толчком в грудь он опрокинул беднягу обратно на сиденье и наотмашь ударил рукоятью пистолета по голове. Вагон мгновенно наполнился пронзительным женским визгом. Мужчина начал медленно сползать на пол.

«О боже, это скверно. Очень скверно!» – запаниковал

Альберт.

Их «великое» ограбление с первых секунд пошло не по плану. Он-то воображал себя благородным разбойником, превращающим налет в акт высокого искусства, о котором будут слагать легенды. Мечтал, что в народной молве они предстанут современными героями, кумирами детей и восторженных дам.

– Что ты творишь... парень! – гаркнул он Франсу, вовремя спохватившись и не назвав того по имени. Кто знает, возможно, их грандиозный замысел еще можно было спасти.

– Он хотел удрать! – огрызнулся Франс.

Альберт сжал пересохшие губы. Крики постепенно стихли, лишь две дамы – спутницы его новой знакомой – продолжали истошно вопить, пока не начали задыхаться.

– Заткнитесь! – прикрикнул он, и в вагоне воцарилась звенящая тишина. Это помогло ему немного собраться с мыслями. Выждав минуту, он кивнул Биллу, опасно помахивая револьвером: – Второй парень, проверь раненого.

Билл замер, но, оглядевшись, сообразил, что обращаются именно к нему. Спрятав оружие за пазуху, он склонился над мужчиной, чье лицо уже заливала кровь. Тейт явно не представлял, что делать дальше: он то заходил с одной стороны, то с другой, робко тянулся к пульсу и тут же отдергивал руку.

– Да шевелись же ты!

Билл неловко хлопнул пострадавшего по макушке, и тот издал негромкий стон.

– Порядок! Он жив! – заключил «спасатель».

Альберт закатил глаза, но придирааться не стал. Главное, обошлось без жертв, а значит, положение еще не было катастрофическим.

Однако спустя мгновение всё стало куда хуже...

Послышался скрип открывающейся двери. Кто-то из соседнего вагона решил нанести им визит. Билл и Франс тут же навели пистолеты на вход. Револьвер в руках Билла заметно дрожал, а по лбу грабителя покатались первые капли пота.

Дело принимало дурной оборот. В таком взвинченном состоянии Билл мог совершить глупость, которая в мгновение ока превратила бы их из лихих романтиков в обыкновенных головорезов, ни во что не ставящих человеческую жизнь.

– Проверь, кто там, – распорядился Альберт, обращаясь к Франсу.

Франс без большого энтузиазма послушал его и медленно двинулся к дверям, не опуская револьвера. Осторожно приоткрыв створку, он повел дулом из стороны в сторону, высматривая смельчаков, решивших попытать удачу, но за порогом никого не оказалось.

– Пусто, – коротко бросил он.

– Загляни в окно соседнего вагона! – приказал Альберт.

– Вы скоро окажетесь на Землях Мертвых, подлые преступники! – взвизгнула одна из дам, сопровождавших юную красавицу.

– Не сомневаюсь, эсель, что вы страстно этого желаете, –

учтиво отозвался Дрейк. — Но в мои планы подобный исход не входит. А потому прошу вас, умолкните, иначе мне придется выписать вам билет до упомянутых вами земель досрочно.

— О, Океан Надежд, он же погубит нас всех! — запричитала вторая дама, сидевшая рядом с Эллин и ее матерью.

— Тетя Тэрри, перестаньте! — оборвала её Эллин, возвысив голос. — Нам ничего не грозит. Господин Дрейк — благородный разбойник. — Произнеся это, девушка одарила парня лучезарной улыбкой, а на её щеках расцвел нежный румянец.

Альберт ответил ей легким поклоном, не сводя при этом прицела с двери, которую Франс продолжал удерживать открытой. С каждой минутой девица нравилась ему всё больше. Ему даже стало искренне жаль, что вскоре придется покинуть поезд и расстаться с ней навсегда.

Франс окончательно вернулся в вагон и плотно притворил дверь.

— Чисто, — объявил он, расплывшись в ухмылке. Его и без того массивный подбородок, казалось, стал вдвое шире, а маленькие глазки практически исчезли в складках кожи. — Итак, повторять не станем! Готовьте кошельки и драгоценности. Складывайте всё в шляпу моего брата Билла!

Альберт едва не взорвался от гнева: Франс во всеуслышание выкрикнул имя младшего Тейта. Однако он сдержался. В конце концов, он и сам грезил о мировой славе. Пусть Зрелый Мир запомнит поименно своих новых героев!

Билл снял фетровую шляпу и двинулся по рядам. Мужчины нехотя расставались с наличностью и золотыми часами, женщины снимали ожерелья и кольца. Когда шляпа наполнилась до краев, Альберт расстегнул пиджак и извлек из-за подтяжек холщовую сумку, бросив ее Франсу. Тот ловко поймал ее одной рукой, другой по-прежнему удерживая на мушке тех, чей взгляд казался ему слишком презрительным или подозрительно спокойным. Билл пересыпал добычу в сумку и продолжил обход.

Чтобы не стоять без дела, Альберт тоже снял шляпу и обратился к двум дамам, в чьих глазах читалась неприкрытая ненависть:

– Дорогие эсель, не желаете ли вы облегчить свою ношу? Эти украшения кажутся мне слишком тяжелым бременем для ваших изящных шей. Я с радостью избавлю вас от них.

– Вы не ведаете, что творите, молодые люди, – подал голос седовласый старик с густыми усами, сидевший прямо за семьей Эллин. – Вам стоит немедленно сдаться. Подобный заработок еще никому не приносил счастья и долголетия.

– Что ж, возможно, вы и правы, – парировал Альберт. – Но я бы не затевал игру, если бы не верил, что свечи стоят затрат. А потому будьте любезны, отдайте золотые часы из вашего кармана. В вашем почтенном возрасте уже не стоит столь пристально следить за бегом времени.

Мужчина плотно сжал губы и, тяжело вздохнув, исполнил требование. Как только часы звякнули на дне шляпы, Аль-

берт вновь повернулся к Нэлл Томин и ее сестре.

— Я бы советовал вам последовать примеру этого мудрого человека. Отдайте украшения добровольно, не вынуждайте меня применять силу.

— Мы ничего тебе не дадим, мерзавец! — воскликнула Нэлл. Она явно сама испугалась собственного выпада, который отчаянно пыталась выдать за храбрость.

— Будьте благоразумны, эсель. Мое терпение имеет границы.

Альберт постарался придать голосу как можно больше жесткости, и, похоже, ему это удалось: подбородок тетюшки Тэрри задрожал, а светло-карие глаза повлажнели. Нэлл Томин, в отличие от сестры, была далека от слез, но на ее лице больше не осталось и следа гнева или напускной храбрости. Растерянная и подавленная, она мгновенно осунулась, отчего сестры стали похожи как две капли воды.

Когда Альберт уже решил, что ему действительно придется силой снимать с дам украшения, в его шляпу с негромким звоном упала золотая пчела.

— Нет, Эллин! — воскликнула Нэлл. — Не смей!

— Полно, милая маэль, — мягко вмешался Альберт, — я во все не желаю лишать вас личных памятных вещей.

— Берите, — поспешно отозвалась девушка. — Она мне никогда не нравилась.

— Эллин! — мать посмотрела на дочь с нескрываемым ужасом. — Что ты такое говоришь?!

– Извини, мамочка, но это правда, – Эллин лишь беззаботно пожала плечами.

– В таком случае я приму дар с величайшим удовольствием. Эта брошь станет прекрасным напоминанием о нашей встрече.

В этот момент мимо прошел Билл, продолжая методично опустошать чужие карманы. Франс же задержался и, бесцеремонно схватив Альберта за локоть, развернул его к себе.

– Может, хватит строить из себя благородного касси перед этой девицей? Помоги нам!

– В чем проблема, Франс?

– В чем проблема?! – возмущенно прошипел старший Тейт. – Да ты здесь будто корнями в пол врос! Нам некогда рассыпаться в комплиментах и выставлять себя в выгодном свете.

– Напомни-ка, кто из нас главный? – ошетинился Дрейк.

– Полагаю, на следующем совете нам стоит пересмотреть распределение ролей!

– Неужели?

– Именно!

– Ребята! – подал голос Билл. – Кажется, у нас снова гости. На этот раз с другой стороны.

– Так проверь! – в один голос рявкнули Альберт и Франс, продолжая сверлить друг друга яростными взглядами.

Билл послушно положил шляпу на пол и вышел в тамбур. Оставшиеся двое застыли в молчаливой дуэли, совершенно

не заботясь о том, что в эти секунды они беззащитны перед любым, кто решится на отпор. Но среди именитых пассажиров смельчаков не нашлось.

Альберт не отводил взгляда от Франса, понимая: малейшая слабость будет стоить ему лидерства. Тейт спал и видел себя первым во всем, в чем неизменно проигрывал ранее. К тому же за ними наблюдала прекрасная девушка, чья симпатия могла угаснуть так же быстро, как и вспыхнула, прояви он сейчас малодушие.

Их «игра в гляделки» затянулась бы, если бы не Билл. Он ввалился обратно в вагон, судорожно прижимая ладони к лицу.

– Ребята... – прогнусавил он. – У нас проблемы. Серьезные проблемы.

– Что стряслось? – Франс обернулся, невольно завершив противостояние с Альбертом, но оставив за собой право на реванш.

Билл отнял руки, демонстрируя сломанный нос, из которого обильно хлестала кровь. За спиной парня высился проводник, целясь ему в затылок из его же собственного револьвера. Холодный, пронзительный взгляд ветерана не оставлял сомнений: шутить он не любит и не умеет. Такой нажмет на курок без малейших колебаний.

– Что это вы удумали, крысеныши? – спросил старик без тени иронии. – Захотелось легкой наживы?

Альберт и Франс мгновенно вскинули оружие, хотя под

пули в первую очередь подставили бы незадачливого Билла.

– Отпусти его! – потребовал Франс.

– Живо отпусти! – добавил Альберт, чувствуя, как ледяной пот бежит по спине, но не желая уступать инициативу напарнику.

– А вы заставьте! – предложил ветеран и грубо толкнул заложника вперед. Билл продолжал размазывать кровь по лицу, с жалостью глядя на свои багровые пальцы. – В войну за независимость Руакама я таких, как вы, голыми руками душил.

– Охотно верим, но та война закончилась двадцать лет назад, – заметил Альберт. – Ты постарел. Тебе не справиться с нами обоими, а стреляем мы без промаха.

– Так стреляйте, чего медлите? – Старик ткнул дулом в затылок Билла, вынуждая того сделать еще несколько шагов.

Альберту и Франсу пришлось попятиться к дверям. Ни один из «благородных мужей» в купе даже не шелохнулся, чтобы помочь старику – например, перехватить грабителей со спины.

Единственной, в ком проснулось мужество, оказалась Эллин Томин. Вот только помогать закону она не собиралась. Напротив, девушка решила спасти Альберта и его банду из тупика. Когда проводник, тесня Билла и прижимая остальных грабителей к дверям, поравнялся с её местом, Эллин вскочила. Выхватив трость из рук соседа, она со всего размаху огрела ветерана по голове.

Старик охнул, пошатнулся и, выронив револьвер, начал медленно оседать. Эллин, не давая ему опомниться, для верности ударила ветерана по макушке еще раз, и тот рухнул на пол. Нэлл и тетя Тэрри, оцепенев от ужаса, зашлись в крике, пряча лица в ладонях. Их вопли подхватили перепуганные барышни в других концах вагона.

Альберт мгновенно бросился к лежащему проводнику и подобрал оружие. Он всучил его Биллу, которого в тот момент куда больше заботил разбитый нос, чем потерянный револьвер.

– Уходим! Живо!

– Мы еще не всё собрали! – возмутился Франс.

– Хватит! – отрезал Альберт тоном, не терпящим возражений. – План и так трещит по швам. Чтобы не угодить за решетку, нужно немедленно исчезнуть. – Он пригнулся и выглянул в окно. Параллельно составу мчался всадник, ведущий на поводу еще трех лошадей. – Слава богу, хоть Винни верен уговору.

– Франс, он прав, – прогнусавил Билл так жалобно, будто вот-вот готов был разрыдаться. – Я ранен, мне нужна помощь...

– Да какая это рана! – отмахнулся старший Тейт. – Приложишь лед, выпьешь виски – и как новенький. Тоже мне, герой...

– Возьмите меня с собой!

Просьба Эллин Томин, всё еще сжимавшей в руках

трость, заставила замолчать весь вагон.

– Что-о?! – простонала Нэлл. – Доченька, опомнись! Он же преступник, негодяй, убийца!

– Ты действительно этого хочешь? – спросил Альберт, проигнорировав причитания матери.

Эллин отбросила трость, молитвенно прижала руки к груди и лихорадочно закивала:

– Да! Больше всего на свете!

– Люди добрые, на помощь! – заголосила тетя Тэрри. – Он колдун! Он одурманил мою племянницу! Она не в своем уме!

– Он похищает мою дочь! – выкрикнула Нэлл и, вскочив, мертвой хваткой вцепилась в руку Эллин. – Я не позволю! Слышишь? Не позволю!

– Мама,пусти! – Эллин отчаянно забилась, пытаясь вырваться. Видя, что мать не разжимает пальцев, девушка с яростью толкнула её. Нэлл упала в кресло, глядя на дочь с нескрываемым потрясением.

– Кто ты такая? – прошептала она, а затем сорвалась на крик: – Ты не моя дочь!

– Твоя. Просто я сыта по горло вашей опекой, матушка. Я выросла и хочу свободы!

Тетя Тэрри разрыдалась, повторяя имя племянницы как заклинание. Нэлл продолжала смотреть на Эллин с выражением... брезгливости? Девушка не могла точно разобрать, что читалось в этом взгляде, да и не желала задерживаться.

Альберт уже спешил к выходу, и она последовала за ним.

В этот момент Франс рванул рукоять стоп-крана. Поезд содрогнулся и резко затормозил. Пассажиров швырнуло вперед; по всему составу разнесся панический крик, утонувший в жутком визге металла и шипении пара.

– Пошли! – гаркнул Франс и первым выскочил в тамбур, пряча револьвер в карман и прикрывая его сумкой с добычей. Билл подхватил с пола фетровую шляпу, в которой сиротливо звякнули часы и кольца, и нахлобучил её на голову, едва не порвав поля. Альберт подхватил Эллин под руку, и они бросились следом, на ходу обмениваясь восторженными улыбками.

В соседнем вагоне царило смятение. Пассажиры недоуменно переглядывались, гадая о причинах остановки. На бегущих парней почти не обращали внимания. Лишь кто-то, заметив окровавленное лицо Билла, авторитетно заявил соседу: «Парню дурно стало, вот и притормозили». Другой в это время озадаченно всматривался в окно: «А что за всадник скачет следом?»

Все сомнения развеялись, когда дверь тамбура вновь распахнулась и на пороге появился пошатывающийся проводник. Он тыкал дрожащим пальцем в спины беглецов.

– Остановите их! – прохрипел старик. – Хватайте их немедленно!

Какой-то мужчина попытался преградить им путь, но тут же отпрянул, увидев перед носом дуло пистолета.

– Сядь на место, приятель, – бросил Франс, и тот мигом подчинился. – Билл, дверь! Уходим!

Как только створка поддавалась, они посыпались из вагона: Билл, Франс, Эллин и последним – Альберт. Винни Стоун уже ждал их в двадцати шагах. Оставалось лишь вскочить в седла и раствориться в прерии. Альберт понимал, что у машиниста наверняка припасено ружье, но надеялся, что они успеют скрыться в облаках пыли прежде, чем тот опомнится.

Изначально Дрейк планировал произнести пламенную речь в финале своего первого триумфа, но сейчас все заготовленные фразы вылетели из головы. Да и пафос казался лишним. Он просто бежал по высокой траве навстречу Винни, чувствуя вкус настоящей свободы.

Глава 4: «О, Великий Маниту»

1.

В воздухе плыл густой аромат дыма и сушеных трав – совсем как в хижине ведьмы. Однако эти запахи были куда приятнее, они не рождали дурных предчувствий. В доме старухи всегда царили холод и сырость, здесь же было тепло и сухо. Что-то мягкое, словно весенний ветерок, коснулось его лица, принося новую волну благовоний.

Кевин уже почти проснулся, но открывать глаза не спешил. Прежде всего он пытался восстановить в памяти события, предшествовавшие его забытию. Вспомнить вчерашний день казалось делом жизненной важности, ведь он провалился в сон не по своей воле, а в обстоятельствах, которые трудно было назвать заурядными. Впрочем, само понятие «заурядность» давно стерлось из его лексикона.

Боли в теле не было. Руки свободны. Никакого дискомфорта. Так почему же в сознании так цепко завязла навязчивая идея об опасности?

На мгновение сквозь прикрытые веки пробились теплые лучи солнца, но тут же померкли, будто кто-то заслонил свет.
– Как он? – раздался приглушенный голос. Он принадлежал мужчине в годах; в его интонациях чувствовались скры-

тая сила и мудрость.

– С ним всё хорошо. Постепенно приходит в себя, – ответила женщина. Судя по голосу, ей было не больше тридцати. Очевидно, именно она не отходила от него всё то время, что он был в беспамятстве. – Думаю, ему стоит еще отдохнуть. Хотя бы пока солнце не поднимется на три ладони над горизонтом.

– Да будет так, – согласился мужчина.

Лучи солнца снова на миг коснулись век Кевина. Властный незнакомец ушел, оставив его наедине с женщиной. Её теплая ладонь опустилась ему на лоб, затем пальцы скользнули по небритой щеке и отстранились. Раздался легкий шорох, очередной поток света – и всё окончательно стихло.

Когда девушка ушла, Кевин рискнул приоткрыть глаза.

Он лежал в типи – конусообразном сооружении, обтянутом грубо выделанными шкурами. Вход, расположенный ближе к ногам, прикрывал полог из плотного серого войлока. Сам Кевин лежал на чем-то мягком и ворсистом, судя по всему – на крупной звериной шкуре. Память неохотно возвращала фрагменты прошлой ночи: бегство от невидимых преследователей, странный тотем у мертвого леса...

Стоило ему приподнять голову, как его окутал новый аромат трав. Кевин не сразу осознал, что запах исходит от его собственных волос. Видимо, пока он был в беспамятстве, его омыли и привели в порядок. Что ж, похитители явно не желали ему зла. Если, конечно, ритуал жертвоприношения не

предполагал обязательного омовения жертвы.

Кевин приподнялся на локтях и осмотрел себя. Верхней одежды не было. Он был укрыт пледом от пояса до пят. Его загорелая грудь с редкими волосками была расписана причудливыми узорами, выведенными чем-то темно-коричневым, напоминающим сажу или охру. Откинув плед, он обнаружил на себе просторные кожаные штаны с бахромой по бокам – в подобных разгуливали индейцы в старых голливудских вестернах.

Нолан поднялся на ноги. Типи оказалось неожиданно просторным: он вряд ли дотянулся бы до заостренного верха, даже подпрыгнув с поднятыми руками. А вот чтобы выйти наружу, пришлось бы изрядно пригнуться.

За стенами жилища текла размеренная жизнь. До Кевина доносились звуки лагеря: шарканье ног, топот копыт, негромкие голоса, потрескивание костра и глухие удары топора. Где-то совсем далеко ритмично постукивал барабан.

Чужие штаны норовили соскользнуть с бедер, и Кевину пришлось их придерживать. За три месяца скитаний по Молодому Миру он изрядно исхудал. Отросшие волосы, щетина и мозоли превратили его в дикаря – нож помогал поддерживать подобие опрятности, но справлялся с этой задачей скверно.

Он огляделся в поисках чего-то тяжелого, что могло бы послужить оружием, но его внимание привлекла тарелка, стоящая у потухшего очага. Внутри было нечто, на вид впол-

не съедобное. Кевин осторожно принялся. Пахло восхитительно: наваристый бульон с кусками мяса, похожего на крольчатину. Голод, дремавший до этого момента, тут же отозвался требовательным урчанием. Нолан пригубил бульон. Вкус был бесподобным.

Он как раз принялся за мясо, когда войлочный полог отодринулся. В типи, пригнувшись, вошла молодая женщина. Увидев, что Кевин не только очнулся, но и активно ест, она замерла. В руках она держала сосуд из высушенной тыквы, в котором плескалась вода.

– Простите, – она поклонилась как можно ниже и, не разворачиваясь, попятилась к выходу.

– Постойте! Не уходите! – Кевин опустил тарелку и вытянул ладони вперед. – Я не причиню вам вреда.

Девушка замерла, выпустив край уже отодвинутого полога.

– Я знаю, – произнесла она и улыбнулась, забавно нахмурив брови от неловкости.

У нее была смуглая кожа и прямые черные волосы, заплетенные в косу, которую украшали три белых пера с темными крапинками. Резко очерченные скулы и тонкий узкий нос придавали её лицу благородство. Черные, чуть раскосые глаза смотрели на него с благоговением и явным любопытством, но в их глубине Кевин прочел затаенную печаль. На ней была кожаная куртка с короткими рукавами и простая юбка с передником.

– Как тебя зовут? – спросил Кевин.

– Солнечный Луч.

– Красивое имя, – он кивнул и в очередной раз подхватил сползающие штаны.

Эта неуклюжая попытка спасти достоинство вызвала у его новой знакомой короткий смешок. Однако она быстро посерьезнела и вновь склонила голову.

– Прости мою несдержанность.

– Пустяки, я не обидчив. А меня зовут Кевин. Кевин Но-лан.

Девушка отрицательно покачала головой, ввергнув его в недоумение.

– Нет. Твое имя – Маниту.

– Что ж, это имя мне тоже по душе, но к «Кевину» я как-то привык за годы.

Девушка поднесла ему сосуд с водой. Нолан с благодарностью принял подношение. Вода оказалась чистой и чуть теплой, с легким сладковатым привкусом и ароматом, который, вероятно, отдала сама высушенная тыква. Осушив сосуд до капли, он вернул его девушке.

– Как я здесь оказался?

– Тебя принесли Яркая Молния и Западный Ветер. Ты был без сознания. В тот миг, когда тебя внесли в типи, над горами трижды прокричал ястреб. Это великое знамение.

– И что оно значит?

– Что ты – Маниту.

Кевин снова подтянул штаны, не сводя глаз с лица девушки. Он не знал, чего ждать от внезапного возведения в ранг индейских божеств, но за три месяца странствий научился относиться к подобному скептически. В прошлый раз «божественное вмешательство» наградило его даром говорить только правду – сомнительное подспорье для авантюриста. Роль спасителя могла обернуться еще большими проблемами.

– Раз я Маниту, каковы мои обязанности?

– Ты должен помочь нашему племени обрести истинное знание и очистить наши души от темных пятен проклятия, что навел на нас Вендиго.

– Вендиго, значит... Истинное знание...

Не в первый раз от него требовали невозможного. К тому же его всё еще терзали вопросы, не дававшие покоя с того самого дня, как он очнулся под деревом – проекцией того, что росло на лугу Арум.

– В каком мы сейчас Мире? – спросил он, надеясь, что Солнечный Луч поможет сбросить хотя бы часть груза с его плеч.

– Сейчас мы в Серебряном Мире, о Великий Маниту, знающий тайны всех пределов. Бледные люди называют его Зрелым.

Губы Кевина тронула слабая улыбка. Значит, им действительно удалось пересечь границу. Океан Надежд стал на шаг ближе; на миг ему даже почудился соленый привкус на губах.

– Это хорошие новости, – довольно кивнул он. – Но путь впереди еще долгий.

Солнечный Луч улыбнулась в ответ, будто понимая, о чем он говорит, но печаль в её глазах никуда не исчезла. Она подошла ближе и протянула ему длинный кожаный шнурок, обвивавший до этого её запястье. Кевин догадался, в чем дело, и обвязал его вокруг бедер. Наконец-то штаны держались надежно. Затягивая узел, он мельком оглядел свой торс. За последние месяцы он растерял все жировые запасы: мышцы проглядывали отчетливо, но также отчетливо выпирали ребра и ключицы. Живот впал, на руках вздулись вены, а пальцы стали узловатыми.

– Что означают эти узоры на моей коже?

– Это боевая раскраска и обереги. Странно слышать такой вопрос от того, кто сам их создал и отдал в дар всем племенам. Я принесу тебе мокасины.

Она развернулась, чтобы уйти, но Кевин остановил её:

– Солнечный Луч! Со мной был спутник. Марк Уотер. Где он?

Лицо девушки мгновенно изменилось, став суровым и холодным.

– У Маниту не может быть спутников. Есть лишь почитатели и враги. Не беспокойся, в нашем лице ты нашел преданных слуг.

– А враг? – осторожно уточнил Кевин, готовясь к худшему.

– Он ждет часа великой битвы.

– Битвы?

– Да. Скоро настанет день, когда ты сойдешься с ним в схватке, которая избавит нас от проклятия. Только твоим рукам под силу сразить коварного Вендиго!

2.

Мокасины оказались невероятно удобными. За всё время скитаний по Ближним Мирам Кевин не носил обуви лучше: они облегали стопу как вторая кожа, даря походке необычайную легкость. Солнечный Луч порывалась сама обуть его, уверяя, что для неё это будет великой честью, но Кевин мягко отказался. Это явно расстроило девушку, хотя она и изо всех сил старалась сохранить бесстрастное выражение лица.

За порогом типи раскинулось целое поселение. Кевин насчитал несколько десятков мужчин, чуть больше женщин и с дюжину ребятишек, которые с веселым гамом носились между шатрами. Поодаль находился загон для мустангов. Удивительно, но внутри ограды сочно зеленела молодая трава – зрелище не менее поразительное, чем сады Мэджика Шайна на Пустынном Плато. Несколько молодых воинов носили туда деревянные ведра, наполняя водой небольшой водоем в самом центре загона.

Заметив Кевина, всё племя замерло. Люди оставили свои дела, обратив на него полные любопытства взгляды. Стайка детей с радостными криками закружилась вокруг него, перебывая друг друга и указывая на него пальцами. Очевидно, не одна Солнечный Луч видела в нем Маниту, способного избавить их от иссушающего зноя. А жара стояла невыносимая – странно, но внутри типи она ощущалась не так остро.

От загона к нему направился старик с длинными седыми волосами. Остановившись в паре шагов, он вскинул руку в приветственном жесте и произнес фразу на гортанном, незнакомом наречии.

– Рад видеть тебя на наших землях, Великий Маниту, – добавил он уже на понятном Кевину языке. – Белый Столб Дыма и племя сиу приветствуют тебя.

Вождь был невысоким, а его смуглое лицо прорезали глубокие морщины, похожие на иссохшие русла рек. Он не носил вычурных венцов из перьев, которыми так дорожили кинешные индейцы; его голову украшало лишь одно орлиное перо, вплетенное в седые косы, свисавшие на грудь.

– Я не Маниту, – ответил Кевин.

Это были совсем не те слова, которые он хотел произнести, но «дар правды» вцепился в него как верный пес. По лагерю пронесся многоголосый шепоток.

– В тебе живет великий дух, – невозмутимо настоял старик. Он осторожно коснулся лба Кевина, затем – его груди. – Ты можешь не чувствовать его, но он наполняет твоё тело силой. Тебе суждено вершить великие дела.

Белый Столб Дыма обернулся к соплеменникам и вновь что-то скомандовал на родном языке. Индейцы тут же вернулись к своим занятиям.

– Спасибо тебе, Солнечный Луч, ты свободна, – отпустил он девушку.

Та покорно склонила голову и отошла к группе женщин,

очищавших кукурузные початки – Кевин так и не понял, откуда в этой пустыне взялась кукуруза. Он проводил её взглядом, внезапно почувствовав себя неуютно. Присутствие девушки придавало ему уверенности, а теперь он вновь ощутил себя уязвимым перед лицом неведомой опасности. Общество вождя тяготило его: несмотря на кажущееся дружелюбие, Белый Столб Дыма явно что-то недоговаривал.

Положив ладонь на спину Кевина, старик увлек его к загону. Порыв горячего ветра швырнул им в лица пригоршню жгучего песка. Трое индейцев, опустошив ведра, вышли из загона, с почтением поглядывая на гостя. Внутри остался лишь один юноша. В руках у него вместо ведра был плед. Он медленно кружил по загону, не сводя глаз с двух самых строптивых мустангов, которые испуганно жались к дальней ограде.

– Эти двое появились у нас всего три дня назад и пока не даются в руки, – пояснил вождь. – Но Яркая Молния знаменит своим умением договориться с любым конем. Даже с самым диким.

Юноша двигался бесшумно и плавно. Он подражал фырканию жеребцов, стараясь усыпить их бдительность, но мустанги, чуя приближение неволи, нервно били копытами.

– Он не знает усталости, – продолжал Белый Столб Дыма. – За всю жизнь я не видел наездника искуснее. Разве что его брат, Дубовая Ветвь, мог бы с ним поспорить. К сожалению, три месяца назад Дубовая Ветвь покинул нас.

– Что с ним случилось? – спросил Кевин из вежливости.

– Его задрал медведь.

Яркая Молния улучил момент и набросил плед на спину мустанга, после чего с невероятной прытью вскочил верхом. Дикий конь взвился на дыбы, яростно заржал и принялся «козлить», выбивая из земли клочья травы вместе с дерном. Юноша издал ликующий клич, намертво вцепившись в гриву жеребца.

Кевин вспомнил, как пару лет назад ездил в Техас на родео вместе с дальними родственниками. Тогда главный приз достался ковбою, которому по уровню мастерства было бесконечно далеко до этого молодого индейца.

Над их головами, хищно высматривая добычу, пролетел ястреб. Не обнаружив ничего стоящего, он скрылся за горизонтом, огласив прерию парой жалобных криков.

Мустанг всё же сумел сбросить седока, но Яркая Молния ловко перекувыркнулся в воздухе, уходя от копыт, и уверенно встал на ноги. Жеребец забился в дальний угол загона, и юноша не стал его больше тревожить. Подняв плед с земли, он направился к одному из более покладистых коней, который тут же принялся мягкими губами теребить волосы парня.

– Мы очень долго ждали тебя, – негромко произнес вождь.
– Твоя сила вернет нам наши земли, и на них снова расцветут иные краски, кроме рыжей и желтой.

– Что здесь произошло? – спросил Кевин.

Они остановились у изгороди, глядя, как раскаленный ветер колышет нежные травинки по ту сторону забора.

– Вендиго проклял нас тридцать лет назад. Он хотел, чтобы мы склонились перед ним и ежегодно приносили человеческую жертву. – Старик говорил спокойно, наблюдая за конями у водопоя. – Мы отказались. Тогда он поклялся уничтожить племя. Мне удалось убедить его, что полное истребление – не самый выгодный выход. Я предложил ему честный поединок, и Вендиго принял вызов. Мы выбрали лучшего воина сиу, а дух Вендиго вселился в полоумного шамана, изгнанного из своего племени за черную магию.

Вождь на мгновение замолчал, подбирая слова.

– Тот шаман жил отшельником в горах, в десяти тысячах шагов отсюда. Он не покидал своих владений, но и не терпел чужаков. Случайно забредавшие к нему люди умирали долго и мучительно: их косили болезни или яд скорпионов. Его душа была черна, и Вендиго легко овладел ею. Когда он явился в наше поселение спустя три дня после договора, это было ужасающее зрелище. Его сила возросла в десятки раз, а безумие – в сотни. Под его ногами плясали языки пламени, а над головой кружили вороны. Глаза шамана превратились в бездонные черные воронки. Нашему воину пришлось сражаться с ним вслепую: стоило лишь раз взглянуть в глаза Вендиго – и боец упал бы замертво, а его душа навечно стала бы пленницей злого духа.

Семь дней и ночей длилась эта битва. На восьмой рассвет

наш воин одолел врага. Злой дух признал поражение и покинул наши края, но шаман на последнем издыхании успел выплеснуть остатки своей и чужой мощи в проклятие. В тот же миг вся зелень вокруг превратилась в пепел.

Тридцать лет тянутся наши страдания. И вот Вендиго вернулся. Но на этот раз он пришел не один, а вместе с Великим Духом Маниту, который поможет сокрушить зло окончательно и снимет заклятье.

– Марк Уотер – не Вендиго, так же как я – не Маниту.

– Придет час, когда Великий Дух заговорит в тебе, и ты ощутишь его мощь. Возможно, и тот, кого ты зовешь Марком, пока не чувствует в себе Зверя, но это лишь вопрос времени.

– Вы не пробовали уйти отсюда? – спросил Кевин.

– Проклятие затронуло каждого, даже тех, кто тридцать лет назад еще не был зачат. Стоит кому-то из племени покинуть эти земли, как выжженная пустошь начинает расти вслед за ним, захватывая мир. Иногда нам приходится уходить за припасами, и тогда мертвая земля расширяется. Соплеменники приносят вдвое больше воды, чем нужно для питья, чтобы поливать почву и возвращать ей жизнь, но земля умирает быстрее, чем мы успеваем её лечить. Рано или поздно проклятие охватит весь Зрелый Мир. Тысячи лет пройдут до этого срока, но если мы сорвемся с места всей общиной – мир падет за пару лет. Мы не имеем права так поступать. Это навлечет на наши головы еще более страшный гнев. – Белый Столб Дыма веско качнул головой. – Но с тво-

им приходом, Маниту, нам больше не о чем беспокоиться.

– Смерть Марка Уотера не принесет вам спасения, – упрямо произнес Кевин. – И я не стану тем, кто лишит его жизни.

– Время покажет.

Вождь убрал руки с перекладины, с улыбкой глядя на мустанга, который игриво толкнул Яркую Молнию в спину. Затем старик развернулся и зашагал прочь, оставив Кевина наедине с его отрицанием и тяжелыми думами.

3.

Он всегда считал себя иным – не таким, как его братья. В нем еще теплились крупинцы чувств, о которых остальные давно забыли. Гнев Океана Надежд обрушился на него не с такой яростью, как на Вихря или Пожирателя, и уж подавно не так, как на Жнеца. Водолей не знал причин такого милосердия, но догадывался: Океан изначально ведал, что он никогда не жаждал попасть в Мир Вечности ради власти. Жнец был тем, кто вел их, Жнец больше всех жаждал могущества – и потому львиная доля проклятия пала на голову Колдуна в Черном. Каждому по заслугам.

Водолей не спрашивал, но был уверен: зудящая, бесконечная призрачная боль терзала каждого из их квартета, но Жнец и здесь удерживал первенство. Он единственный полностью лишился всех чувств, кроме холодной злобы. Более того, в отличие от остальных Темных, Жнец утратил способность менять облик. Вот уже двести лет он не снимал свой неизменный черный балахон, чей капюшон скрывал навеки изуродованное лицо.

Да, Водолей мог бы назвать себя счастливчиком, хотя при этом слове на его губах всегда играла горькая усмешка. Он оставался проклятым. Это клеймо столетиями разрывало его тело и звенело в голове тяжелым колокольным набатом.

Но сейчас им владела иная боль. Она напоминала ту, что

он испытал после убийства Пожирателя: чуть слабее, но куда изнурительнее. Водолей застыл в позе затравленного пса, не в силах пошевелиться. Он не оставлял попыток подняться или хотя бы выпрямить спину, и каждая судорога отзывалась всплеском новой муки. Но Колдун в Синем не думал сдаваться.

Он был слаб. Слишком слаб. Его братья наверняка чувствовали это – если вообще можно было назвать «чувством» их темную связь. Рано или поздно они выследят его, и тогда ему будет нечего противопоставить их мощи. Даже в своей лучшей форме он не смог бы противостоять силе Жнеца. А значит, нужно встать. Любой ценой. Раз его магия сейчас бессильна, он должен победить немощь простой физической волей.

Как иронично: один из самых могущественных колдунов Ближних Миров оказался беспомощным пленником обычного рисунка на пыльном полу погребца. Индейцы всегда знали толк в магических кругах, и Водолей относился к их мастерству с уважением. Но проснись в нем прежняя ярость – и он разорвал бы любого из них в клочья одним взмахом руки.

Будь он простым смертным чародеем, черпающим силы из книг и родословных, он давно бы «прыгнул» в Пустошь, в объятия Великого Ничто. Но он был творением Океана. Он всё ещё жил – хотя сам предпочитал слово «существовал», – пускай и был истощен до предела.

«Главное – концентрация», – твердил он себе, шатаясь на

коленях, словно пьяница у дверей таверны. Во рту пересохло, но на языке чувствовалась странная влага. Марк сплюнул на пол и удивленно приподнял брови: вместо слюны из него вышел густой кровавый сгусток. Он широко улыбнулся, глядя на это чудо – собственной крови он не видел уже двести лет. Но радость была недолгой. Кровавый плевок начал стремительно темнеть, превращаясь в черную жижу, которая поползла по пыли, точно раковая опухоль. Улыбка сползла с его лица.

«Ты давно не человек, приятель. Кровь твоя мертва, не тешь себя напрасными надеждами».

В глубине души он всё еще надеялся, что Океан Надежд сжалится, примет раскаяние и заберет свои дары, вернув взамен человеческую жизнь. Его братья были ослеплены гордыней; их затея дать бой высшей силе всех Миров была абсурдной. Мечта занять место Океана и самим стать истоком Магического Начала была обречена. Водолей твердил им, что с Миром Вечности нужно искать перемирия, а не войны, но его голос остался не услышанным.

По этой причине он и ушел. Но от цели дойти до Океана он не отказался. Он жаждал возвращения в Мир Вечности, тогда как братья мечтали лишь вернуть его в строй, вновь сделав трио квинтетом. Втроем у них было мало шансов против магии Ближних Миров. Когда они найдут его – а Водолей в этом не сомневался, – они потребуют покорности. И у Жнеца найдутся способы убедить его... Черный маг всегда

имел над ними власть, особенно над ним, Водолеем, чьи сохранившиеся чувства были его главной слабостью.

Бегство было лишь проступком. Убийство Пожирателя – вот за что его ждала казнь. Да, они нашли замену Красному колдуну, он чувствовал это, но часть их общего могущества ушла навсегда вместе с прежним братом.

– Пусть Жнец сильнее меня, – прохрипел он, преодолевая боль. – Пусть он утроит мои муки, но уничтожить меня он не сможет. У меня есть власть над ними.

Капелька пота сорвалась с кончика его носа и, коснувшись пола, превратилась в черную кляксу. Она прожгла землю, отравляя всё вокруг.

– Я знаю их истинные имена.

Это был его главный козырь, тайна, которую он хранил веками. Теперь он произнес это вслух, пускай и самому себе. Пусть это заставит их держаться подальше от него и Кевина. Он не жаждал их смерти (кроме Пожирателя), но был готов применить свое оружие, даже если ценой станет потеря остатков сил и новая вспышка той ужасающей боли, перед которой индейские круги были лишь детской забавой.

Его руки, распластанные внутри круга, начали меняться. Кости удлинились, кожа побелела, а суставы вздулись уродливыми узлами, как при последней стадии артрита. Черные вены запульсировали под кожей, прорисовываясь четким узором. Он терял человеческий облик, превращаясь в существо, порожденное силой Океана. Волосы мгновенно

поседали и отросли, глаза провалились глубоко в глазницы, засияв тревожным синим светом. Плечи раздались вширь, грудная клетка увеличилась, а позвоночник и лопатки острыми углами проступили сквозь одежду. Сама ткань его наряда сменила цвет на ярко-синий. Вскоре и вены наполнились сиянием – по сосудам побежала чистая энергия, и Водолею стало легче переносить магию круга.

Но это была не победа. В своем магическом теле он был неуязвим, но истинным триумфом было бы побороть силу круга в человеческом обличье. Только так он смог бы вернуть ту физическую форму, что была у него до убийства брата.

У его ног что-то лежало. Сначала он даже не узнал свой дневник – старую тетрадь, где сделал последнюю запись еще в те времена, когда в его теле не было ни капли магии, когда он был обычным человеком. После превращения в Водолея – чародея в синих одеждах – этот дневник стал единственной нитью, связывавшей его с прошлым. Он не давал колдуну забыть, кем тот был когда-то. На его пожелтевших страницах хранились истинные имена Четырех Темных, хотя свое собственное Марк предусмотрительно вытравил везде, где оно встречалось. Все эти десятилетия дневник находился под защитой его чар, невидимый даже для братьев. Но теперь магия ослабла под гнетом рунического круга, и тайна обнажилась.

Водолей сосредоточился, выуживая из глубин существа

остатки воли. Ему удалось: кости рук начали укорачиваться, приобретая здоровую человеческую розовизну, а вены поблекли, став обычными тускло-голубыми нитями под кожей. Искажённая маска монстра сменилась усталым, но торжествующим лицом Марка Уотера. Волосы стали короче, вернув песочный оттенок, и лишь на висках осталась едва заметная благородная седина.

«Да, я всё ещё хозяин самому себе», – усмехнулся он, обнажив белые зубы, между которыми темнели полосы крови. Сила вновь наполняла его, приглушая телесную муку. Он поднял дневник и прижал к груди; мгновение – и книга исчезла в магическом хранилище. Марк не записывал в него события последних веков – он был бы рад забыть их все. Странно: человеческая жизнь стиралась из памяти уже через пару дней после прочтения записей, но каждый миг в образе Водолея хранился в мозгу вплоть до мельчайших подробностей.

И всё же кое-что из прошлого осталось при нём без всякой бумаги. Он помнил тот миг, за несколько минут до перелома судьбы, когда Океан очаровал его. Память не удержала само то блаженное чувство, но Марк верил: вернувшись в Мир Вечности, он вспомнит всё. Ощущения расцветут в его груди сотнями цветов, и он снова увидит мир в ярких красках, а не в тех блеклых оттенках, что окружали его сейчас.

В темный погреб ворвался тонкий луч света, принося с собой звуки знойного ветра. Кто-то отпер дверь. Марк под-

нял голову. Чья-то тень заслонила проход, послышались легкие шаги, и перед ним предстал вождь племени сиу.

– Гляжу, тебе совсем худо, – спокойно заметил он.

– Терпимо, – хрипло отозвался колдун. – Пятью минутами раньше было куда хуже.

– И долго ты намерен истязать себя?

– Еще день. Эти круги закаляют меня. К тому же он должен поверить, что мне пришлось несладко.

– А разве это ложь?

Марк оторвал правую руку от земли. Левую тут же забило крупной дрожью. Он пристально осмотрел ладонь, сжимая и разжимая кулак. Между пальцами затрещали слабые искры молний.

– У меня вырабатывается иммунитет. Предвидя твой вопрос, старик, поясню: иммунитет – это невосприимчивость к чужеродной силе.

Белый Столб Дыма лишь молча кивнул.

– Как он? – спросил Марк. Его покачивало из стороны в сторону, словно кобру под звуки флейты.

– Спрашивает о тебе... и твердит, что он не Маниту.

– О, он куда сильнее любого божества. Его сила – в его уникальности.

Вождь подошел ближе, опустился на одно колено и положил руку на плечо колдуна.

– Что ты хочешь доказать, Водолей? А главное – кому?

– Он находится под действием чар и не способен лгать. Я

хочу знать наверняка: отречется он от меня ради своей цели или нет.

– А если выбор будет не в твою пользу?

– Ничего не изменится. Я просто буду знать правду. – После короткой паузы Марк добавил: – Ничего не изменится для меня.

– Если он не может лгать, почему ты просто не спросишь его прямо?

– Он всё же способен на ложь – если сам будет в неё искренне верить.

– А как же наш договор? – напомнил вождь.

– Не беспокойся. Я привык держать слово. Тот, кто проклял ваши земли, погиб от моих рук. Теперь во всех Мирах осталось лишь трое способных вам помочь, но вряд ли Жнец или Вихрь поспешат на выручку.

– Мои люди верят, что ты и есть Вендиго.

– А ты? Что ты сам думаешь обо мне, вождь? – Марк криво улыбнулся, глядя на старика ярко-голубыми глазами, затянутыми поволокой.

– Я думаю, ты гораздо опаснее Вендиго. Пусть в тебе и живет благородство.

Марк твердо уперся стопой в землю. Прошло несколько секунд, и он уже стоял перед вождем во весь рост.

– Ты недалек от истины. А теперь передай своему шаману, пусть начертит новый круг. Этот уже исчерпал свои возможности.

Глава 5: Община

1.

Сухой пустынный ветер обжигал кожу, а легкие с каждым вдохом наполнялись раскаленным воздухом. Казалось, от палящих лучей нет спасения. Солнце, хоть и стояло в зените, выглядело неестественно огромным. Мнилось, стоит лишь вскинуть руку вверх – и кожа мгновенно покроется ожоговыми волдырями.

Конь, его верный, добрый конь, издох два дня назад. Он оплакивал его искренне, навзрыд. Он не рыдал так даже по своей семье – не из черствости, а потому, что тогда ему просто не дали времени на горе. И теперь Прауд – единственное близкое существо – канул в небытие. Но как бы сильно он ни жалел коня, в нем нашлись силы распотрошить тушу и зажарить мясо на костре, иначе его самого ждала бы голодная смерть.

Проклятые хищные птицы кружили над головой, выжидая момента, когда и он отправится вслед за лошадьё, позволив им полакомиться человечиной. «Не дождетесь», – злобно процедил он про себя, продолжая упрямо шагать туда, где по-прежнему не было ничего, кроме песков.

Вода в бурдюке плескалась на самом дне. Он пил редко,

лишь когда жажда становилась невыносимой, делая крошечные, птичьи глотки – их хватало только на то, чтобы увлажнить язык. Желудку не перепадало почти ничего. Каждый раз, касаясь губами горлышка, он чувствовал металлический привкус крови – так сильно потрескались его губы.

Сколько дней он был в пути? Точно он не помнил, а порой ловил себя на мысли, что забывает собственное имя. Но память цепко хранила одну истину: во всем Мире, от объединения до объединения, он остался один. Всех, кого он знал и любил, Харон уже переправил на тот берег Стикса.

Ветер швырнул в лицо очередную горсть песка. Он резко зажмурился, но было поздно – глаза обожгло. Слез не было, для них он был слишком обезвожен. Остановившись, он принялся вытирать лицо сорочкой, которая давно служила ему головным убором, спасающим от солнечного удара. Это немного помогло, но мир вокруг превратился в расплывчатое желтое марево с невнятными контурами.

Жара сводила с ума, а крики птиц лишь подстегивали безумие. Ему хотелось закричать от отчаяния во всё горло, но он сдерживался, экономя последние крохи сил. Вместо крика он сделал еще один глоток, прикинув, что к закату бурдюк окончательно опустеет. Впрочем, сейчас это его мало заботило.

Впереди показался резкий спуск, за которым следовал новый подъем. Когда-то здесь текла река – впадина перед ним явно была руслом, и судя по размаху, река эта была не из

малых. Он попытался спуститься осторожно, но ноги предательски подкосились, и он кубарем полетел вниз. Падение оказалось стремительным. Кувыркаясь по склону, он успел подумать, что было бы неплохо свернуть себе шею прямо сейчас и прекратить страдания.

Но он остался жив. Падение принесло лишь ссадины и царапины. Он бы так и лежал на животе, поддавшись апатии, если бы не раскаленный песок, который тут же заставил его вскочить. Шатаясь, он снова поймал себя на том, что имя ускользает из памяти, хотя кличку коня – Прауд – он помнил отчетливо. Кстати, а где Прауд сейчас? Что с ним стало? Если память не изменяла, конь остался в конюшне... Так куда же он идет и почему отправился в дорогу пешком?

Пустынный ветер подтолкнул его в спину, вынуждая сделать шаг. Здесь, в русле мертвой реки, порывы были слабее, но ни капли влаги в этих краях не осталось.

Он повернулся к противоположному берегу. Тот не казался высоким или крутым, но для изможденного человека подъем выглядел почти невыполнимой задачей.

«Надо идти», – приказал он себе и двинулся вперед. Песок уходил из-под ног. Чтобы не сползти обратно, он помогал себе руками, игнорируя жжение в ладонях от раскалённых песчинок. Один раз нога всё же соскользнула, грозя новым падением на дно. Собрав остатки воли, он рванулся вверх, борясь не только с пустыней, но и с законами физики.

В конце концов он победил. Он выпрямился на вершине

и хрипло, надтреснуто рассмеялся, гордясь собой. Но триумф мгновенно испарился, стоило ему заметить внизу, на дне русла, серый предмет, похожий на мертвого сурка.

Он лихорадочно ощупал бока, но ничего не нашел.

Там, внизу, остался его бурдюк с последними каплями воды.

Когда силы окончательно оставили его, а ноги стали ватными, на пути возникли первые растения. Колючки. Мерзкие, сухие колючки, которым он был рад так, словно это райские цветы. Пустыня неохотно отступала: в небе проступил легкий синий отлив, вытесняя бесконечную желтизну. Но это, к его глубочайшему сожалению, еще не означало спасения.

Он рухнул на колени, из последних сил удерживая голову. Вдалеке марево дрожало над другими силуэтами флоры. Возможно, там скрывались и человеческие поселения. Там была вода. Там были крыши, а значит – спасительная, благодатная тень.

Во рту было не менее жарко, чем снаружи. Язык, казалось, прожарился до румяной корки, а легкие превратились в обугленные мехи. Нужно было переждать зной и продолжить путь ночью. Он осел на песок и повалился на живот. Раскаленная земля обожгла щеку, но теперь это его не волновало. Он закрыл глаза...

Открыл он их лишь тогда, когда на мир опустились си-

ние сумерки. Рядом кто-то стоял. Пыльные поношенные сапоги, черные брюки в складках. Незнакомец молчал, возвышаясь над ним темной колонной. Ему хотелось поднять голову, но слабость пригвоздила тело к земле. Утренняя жара ушла, оставив после себя прохладное облегчение, и теперь ему хотелось просто лежать неподвижно, даже если на него будут смотреть сотни глаз.

– Кто ты? – голос был негромким, но требовательным.

Искушение проигнорировать вопрос было огромным, но он всё же заставил себя перевернуться на спину. Теперь перед ним были не сапоги, а хмурое сосредоточенное лицо, заросшее десятидневной щетиной. Должно быть, вид у него был по-настоящему пугающим, потому что мужчина не стал повторять вопрос. Его лоб прорезали глубокие морщины, взгляд стал взволнованным. Незнакомец присел на одно колено. Его руки осторожно проскользнули под затылок путника, приподнимая его голову. Прежде чем тот успел испугаться или воспротивиться, губ коснулось что-то холодное и твердое, а в рот полилась тонкая, живительная струйка воды.

– Пей понемногу, иначе станет худо, – предупредил спаситель.

Он послушался, хотя сдерживать жажду было мучительно. Вскоре странник уже смог сам приподняться и жадно приник к металлической фляге.

Когда мир перестал вращаться, он вернул воду и внимательнее оглядел мужчину. Высокий, явно старше него само-

го. Сумерки сглаживали черты: незнакомцу могло быть и тридцать, и сорок с лишним лет. Жилет, застегнутый на все пуговицы, подчеркивал широкие плечи и сильные руки. Соломённая шляпа сидела на его голове куда надежнее, чем са- модельный убор из сорочки. За спиной мужчины стоял конь, запряженный в телегу; животное шумно фыркало и прядало ушами в тишине плато.

– Долго ты бродишь по пустыне? – задал новый вопрос незнакомец.

– Почти две недели... Может, десять дней. Точно не помню. Память – как в тумане, – Джек говорил медленно, делая паузы, чтобы зрение не застилала пелена. – У меня был конь, но он издох. Может, вчера... а может, неделю назад.

– Что погнало тебя таким скверным путём?

– Один безумец сказал, что это кратчайший путь к людям. – Это была правда, но лишь ее часть. Не стоило выкладывать всё первому встречному, даже если он напоил тебя водой.

– Должно быть, голод терзает тебя не меньше жажды.

Парень кивнул, хотя вместо еды он бы предпочел еще один глоток воды. Спаситель протянул руку, помогая ему подняться, и снова предложил флягу. Он принял её с нескрываемым благоговением.

– Так как твое имя?

Вытерев мокрые губы, он ответил:

– Джек. Джек Беллами.

– Рад знакомству. Я – Алекс Криз. Предлагаю поехать со

мною. Я накормлю тебя и дам кров. Тебе нужно набраться сил, прежде чем снова пускаться в путь.

Джек Беллами вновь кивнул – на этот раз не в знак согласия, а в знак глубокой благодарности.

– Тогда забирайся в телегу. На своих двоих ты далеко не уйдешь.

Похоже, Алекс Криз состоял в каком-то благотворительном обществе. Строение, в которое он привел Джека, больше всего напоминало пансионат или общину, где множество людей жили под одной крышей, связанные общей идеей. Какой именно – Джек пока не понимал, но всё прояснилось, стоило им переступить порог.

Здание было монументальным: его высоты хватило бы на четыре этажа, хотя располагало оно лишь двумя. Конусообразную крышу венчал флаг с эмблемой, которую Джек в сумерках не разглядел. Его внимание привлекли массивные двери, больше похожие на ворота зажиточного амбара. У входа дежурили двое крепких мужчин. Алекс обменялся с ними короткими приветствиями, и те услужливо распахнули створки.

Из душных пустынных сумерек на них пахнуло прохладой. Пространство внутри казалось бесконечно глубоким, как вход в пещеру. Сотни свечей разгоняли мрак, отбрасывая дрожащие тени на высокие стены. Ряды стульев тянулись к трибуне, выкрашенной в ярко-синий цвет. В воздухе сто-

ял густой аромат свежей древесины, словно в плотницкой мастерской. На стенах висели картины, сопровождаемые короткими, бьющими в глаза фразами: «Океан Надежд дарует свою силу каждому по заслугам!».

Джеку всё это показалось странным и даже немного отталкивающим.

– Выглядишь озадаченным, – заметил Криз, поймав его взгляд.

– Извини, если на моем лице трудно прочесть фанатичное благоговение.

– Ничего, – усмехнулся Алекс, дружески похлопав его по плечу. – Пять лет назад я и сам не верил в Мир Вечности. Считал его просто красивой сказкой.

– А сейчас?

– И сейчас не до конца верю. Но! – поспешил он добавить. – Я надеюсь. Вера помогает мне думать, что в моей жизни есть хоть какой-то смысл.

– Значит, здесь вам читают проповеди о месте, где царит тишина, покой и безграничная магия? – спросил Беллами, рассматривая высокие потолки, украшенные волнообразными узорами.

– Не совсем. Наш лидер дает возможность высказаться каждому. Сам он берет слово редко. Пойдем.

Они миновали зал и вошли в одну из четырех боковых дверей. Тишина обитали мгновенно сменилась гомоном. В просторном, ярко освещенном помещении бурлила жизнь.

Зал был разделен на секторы разноцветными полотнищами, развешанными на канатах. Здесь были все: мужчины, женщины, старики и дети. Женщины хлопотали у плит и стирали, мужчины точили инструменты, потрошили рыбу и заготавливали дрова. Старики чинили вещи, а ребятня носилась с ведрами воды, выполняя мелкие поручения взрослых.

Видя этот муравейник, Джек не удержался от сарказма:

– Только не говори, что у вас тут всё общее, включая женщин и детей, – негромко бросил он на ухо Алексу.

– И не собирался, – коротко отрезал тот.

Весь скепсис Джека испарился, стоило им приблизиться к кухне. Запахи здесь стояли одуряющие. Он не знал, что виной тому – его зверский голод или истинное мастерство поварих, но когда желудок предательски громко заурчал, Джек густо покраснел. Криз лишь понимающе улыбнулся и указал на свободный широкий стол: жители общины только готовились к общему ужину.

– Присядь здесь, я сейчас кое-что принесу.

Джеку было неловко есть на виду у работающих людей, но голод оказался сильнее стыда. Алекс подошел к одной из женщин, хлопотавших у огромной глиняной печи, в которую дети то и дело подбрасывали поленья. Он обнял её за талию и поцеловал в шею. Женщина обернулась с сияющей улыбкой и ответила мужу долгим поцелуем в губы.

На вид ей было не больше тридцати: круглолицая, с приятным румянцем, вздернутым носиком и очень живыми гла-

зами. Из-под белого чепца выбивались пряди темно-каштановых волос. Джек нашел бы её настоящей красавицей, если бы не грубый шрам, который рассекал её лоб, спускался к переносице и задевал левую бровь.

Алекс что-то прошептал ей на ухо – в общем шуме Джек не разобрал ни слова, – и женщина весело рассмеялась. Затем Криз посерьезнел и кивнул в сторону своего гостя. Женщина перевела взгляд на Джека. Должно быть, вид у него был совсем жалкий, потому что в её глазах мгновенно отразилась почти материнская печаль. Она подозвала молодую помощницу и принялась быстро давать ей указания, то и дело указывая на Джека. Беллами в третий раз за пять минут почувствовал себя не в своей тарелке, а желудок снова подал голос, требуя немедленной сатисфакции. Девушка лет двадцати коротко кивнула и поспешила выполнять поручение...или просьбу?

Уже через две минуты перед ним дымилась тарелка густого бульона, лежал свежий хлеб, две поджаристые рыбины и стоял полный кувшин молока.

– Благодарю, – выдохнул Джек, с легкой робостью глядя на девушку. Каждый раз, когда она ставила перед ним блюдо, он замирал, а затем долго провожал её взглядом, пока она возвращалась к плите.

За свои восемнадцать лет он не видел более прелестного создания. Если в мире и существовала любовь с первого взгляда, Джек был готов в неё поверить. У девушки были

невероятно глубокие темно-зеленые глаза и пылающие огнем волосы. Её аккуратный носик венчала россыпь едва заметных веснушек, которые покорили его окончательно.

– Да пребудет в вашей памяти Мир Вечности, – ответила она, чуть тронув губы улыбкой.

Наваждение начало медленно отступать. Она была прекрасна, но ничем не отличалась от остальных фанатиков этой общины, верящих в реальность Четвертого Мира. Джек был убежден: даже если Мир Вечности и существует, ему точно не нужны хоры последователей и их бесконечные песнопения. Скептицизм, привитый отцом, делал Джека противником любых культов, и обычно он выходил из себя, встречая тех, кто пытается обратить других в свою веру.

Но сейчас он был слишком слаб и слишком благодарен за спасенную жизнь, чтобы злиться. Когда он наелся досыта, неприязнь к сторонникам культа притупилась, а вот теплое чувство в груди при виде рыжеволосой девушки только разгорелось ярче.

2.

Когда пришел час общего ужина, Джек уже не был голоден, но не нашел в себе сил отказаться от приглашения. Он не знал правил общины и боялся оскорбить хозяев, а главное – рядом с ним за стол села та самая девушка.

– Произнесем наши благословения, друзья! – громко объявил Алекс Криз.

Джек поначалу принял Алекса за лидера, но его сбивали с толку недавние слова мужчины: «Я надеюсь и хочу верить. Вера помогает мне думать, что в моей жизни есть смысл». Это мало сочеталось с образом фанатичного вождя культа.

Все присутствующие – а их было сорок четыре человека – опустили головы, прикрыли глаза и прижали скрещенные руки к груди. Джек не стал повторять за ними. Пользуясь моментом, он принялся рассматривать свою соседку. Свет свечей играл на нежных чертах её лица и подчеркивал идеальный изгиб тонкой шеи. Похоже, она почувствовала его пристальное внимание: её щеки залил густой румянец, который лишь добавил очарования её облику.

К удивлению Джека, никто не стал выкрикивать величавых молитв. Если кто-то и возносил хвалу Океану Надежд, то делал это про себя, в полной тишине.

Джек отвел взгляд лишь тогда, когда люди начали открывать глаза. Девушка подняла веки, но даже не обернулась в

его сторону. Если бы их глаза встретились сейчас, Джек наверняка снова покраснел бы сам, хотя этот цвет вряд ли был ему к лицу.

Во время трапезы он сидел нарочито ровно, сложив руки на коленях и чувствуя странную, приятную дрожь во всем теле. Это не было просто сексуальное влечение – скорее непреодолимое желание сидеть рядом, коснуться её руки, впитать запах её волос. Эти чувства только зарождались, но он уже знал: завтра он проснется с единственной мыслью о ней.

Мужчина с повязкой на лице, сидевший слева от Джека, обратился к девушке:

– Эйрин, передай, пожалуйста, хлеб.

– Да, Гилберт, сейчас.

Эйрин приподнялась и протянула корзинку через Джека, чтобы тот передал её дальше. Их пальцы мимолетно соприкоснулись. Всего мгновение – но его хватило, чтобы Джек понял: она к нему совершенно равнодушна. В её глубоких глазах не удалось прочесть ничего, словно её щеки вовсе не пылали пять минут назад под его взглядом.

Передавая хлеб Гилберту, он поймал на себе взгляд Алекса Криза. Тот коротко кивнул и приподнял стакан с водой, прежде чем сделать глоток. Джек ответил тем же жестом.

Следующие десять минут прошли в тишине, нарушаемой лишь негромким гулом голосов да перестуком приборов. Весь ужин Джек пытался подобрать слова, чтобы заговорить с Эйрин, но его хваленая фантазия и острый ум будто испа-

рились. В конце концов он списал всё на усталость. Будь он в форме, он бы быстро нашел к ней подход.

Ужин завершился, а он так и не проронил ни слова.

После трапезы, когда женщины принялись убирать со стола, Алекс подошел к Джеку.

– Мне давно не было так хорошо. Спасибо тебе, – искренне ответил Беллами на вопрос о самочувствии.

– Не стоит благодарностей. Рад, что ты идешь на поправку, – отозвался Криз с привычным добродушием.

Джек непроизвольно поискал глазами Эйрин и нашел её у моек в компании других женщин.

– Смотрю, ты глаз не сводишь с одной из наших сестер. Видать, сильно приглянулась.

Джек резко обернулся к Алексу, пытаясь изобразить на лице полное непонимание.

– О чем это ты?

– Я об Эйрин Либрук. Она – одно из сокровищ нашей общины.

– Нет, я просто...

Алекс Криз похлопал его по плечу и вдруг подался вперед. Джек внутренне сжался, ожидая очередного фанатичного объятия, которыми в таких местах обычно приветствуют новичков. Но Криз лишь понизил голос до едва различимого шепота:

– Берегись её.

На мгновение в глазах Алекса вспыхнул огонек непод-

дельного беспокойства. Но уже через секунду Беллами засомневался, не померещилось ли ему это. Алекс вновь хлопнул его по плечу и удалился, оставив Джека в одиночестве посреди столовой.

Что это значило? Какая опасность могла исходить от этой хрупкой, нежной девушки? Джек продолжал смотреть на неё, занятую повседневными хлопотами, и не видел ничего, кроме грации и спокойствия.

Он вышел на улицу. Солнце давно утонуло за горизонтом, и в небе рассыпались тысячи колючих звезд. С помощью огнива Джек зажег самокрутку. Сладковатый густой дым поплыл в ночном воздухе, быстро тая в темноте.

Табак и бумагу он выпросил у одного из прихожан – старика, чей кашель напоминал лай простуженного пса. Джек ожидал получить горькую полынь или сушеную траву, но старик неожиданно поделился настоящим, крепким табаком. Это было удивительно: вокруг расстилалась пустыня, никаких плантаций поблизости не наблюдалось. «На что живет община? Откуда деньги на мясо, рыбу и такой табак?» – вопрос повис в воздухе.

Сквозь стену сумрака, в нескольких милях отсюда, виднелись три одиноких огонька. Джек предположил, что это лампы в окнах далеких ферм или подобных общин.

– Извини, тебя ведь Джеком зовут? – женский голос за спиной заставил его вздрогнуть.

Обернувшись, он увидел Эйрин. В руке она держала керосиновую лампу, чье мягкое пламя выхватывало её лицо из тьмы.

– Да, – бросил он резче, чем хотел, и тут же раздавил недокуренную сигарету каблуком сапога.

– Прости, что помешала твоему уединению...

– Нет, вовсе нет, – поправился он, стараясь смягчить тон.

– Я даже рад тебя видеть.

Девушка скромно улыбнулась, поправляя выбившийся локон.

– В нашей общине не часто встретишь новые лица, – уверенно продолжила она. – И уж тем более таких, как ты.

– Таких, как я?

– Неверующих.

Джек приподнял бровь:

– С чего ты так решила?

– Потому что во время молитвы ты смотрел исключительно на меня, совершенно не думая о хвалебных речах в адрес Океана.

Беллами порадовался, что ночь скрыла его смущение. Это была изящная маленькая месть с её стороны.

– Ты права, – согласился он. – Я не верю в Океан Надежд. И в Ближние Миры не верю. И в Землю Мертвых – тоже.

Эйрин молча слушала его. В свете лампы её глаза казались неестественно яркими, почти изумрудными.

– Почему?

Будь на её месте мужчина, Джек бы наверняка нагрубил или поспешил прочь от неприятного разговора. Но с Эйрин ему хотелось говорить. Это было похоже на попытку объяснить ребенку, что сказки – всего лишь вымысел.

– Просто этого не может быть. Трудно верить в то, чего нельзя увидеть или потрогать.

– Но ведь среди нас живут те, кто наделен силой: колдуны, ведьмы, прорицатели... – возразила она, сделав шаг ближе. – Как они получили свою магию? Разве это не плод Магического Начала? Именно сила Океана Надежд превращает обычного человека в нечто большее!

– Выходит, ваша вера утверждает, что все нелюди раньше были обычными людьми? И каждый, при желании, может стать... проклятым?

– Нет! – почти вскрикнула она, но тут же взяла себя в руки. – Не называй их так, прошу тебя.

– Извини, – искренне произнес Беллами, а про себя чертыхнулся: *«Блестяще, Джек. Если ты хотел произвести впечатление, то добился ровно обратного»*. – Я не хотел тебя обидеть.

– Это ты меня извини, я не должна была злиться. Ты имеешь право верить во что угодно и называть вещи своими именами. Просто наше учение не делит «детей Океана» на людей и нелюдей и тем более не называет их особенностью «проклятием». Перед Его силой все равны. И каждый заслуживает уважения.

– В этом ваша вера мне нравится, – поспешил согласиться Джек. – Но служение легенде, которая может оказаться пшиком... Это кажется мне пустой тратой жизни.

– Скоро всё изменится. Неверующие прозреют. А верующие прикоснутся к силе.

В голосе Эйрин прозвучала такая фанатичная убежденность, что Джек невольно почувствовал разочарование. Может, в этом и крылась причина настороженности Алекса Криза? Пока он размышлял, какой-то грызун скользнул по его сапогу и мгновенно растворился в темноте. Джек проследил за ним взглядом, но увидел лишь глухие тени.

– Что ж, в таком случае расскажешь мне потом, какой Он на самом деле: мокрый или липкий.

Эйрин весело рассмеялась. Это был хороший знак: она не была настолько зашоренной, какой хотела казаться.

– Ты давно в общине? – спросил Джек, надеясь прояснить её прошлое.

– Сколько себя помню. Мой отец был одним из основателей этого круга.

Джека это известие скорее обрадовало: значит, её рвение – лишь дань уважения родителю, а не осознанный выбор.

– Выходит, ты дочь лидера. Но я не видел его за столом. Если только твой отец – не Алекс Криз.

Слова Джека показались ей невероятно забавными. Она рассмеялась звонче, чем прежде.

– Ты смешной, Джек, – сказала она, глядя на него уже

совсем иначе, с живым интересом. — Никогда не думала об Алексее как об отце. Представила — и не смогла сдержаться.

Их глаза окончательно привыкли к темноте, и Эйрин погасила лампу. Луна, висевшая неестественно низко, заливала плато мертвенно-бледным светом. Она казалась не плоским диском, а огромной объемной сферой с четко различимыми кратерами.

— Отца не было за столом, потому что он в отъезде. Раз в две недели они с помощником ездят на рынок за припасами. Вернутся завтра к полудню.

— Далековато отсюда рынок, — Джек расстегнул верхнюю пуговицу рубахи и провел ладонью по шее, к которой прилип песок.

— Да. Мы намеренно ушли подальше от городов.

— Как и от плодородных земель и рек.

— Я понимаю к чему ты клонишь: мы не пашем, не охотимся и не ловим рыбу. Тебе интересно на что мы покупаем провизию.

— Неужели Океан Надежд шлет вам монеты напрямую из Мира Вечности?

— Не совсем, мы занимаемся добычей руды, — просто ответила она. — В нескольких милях отсюда есть шахты, где трудятся наши мужчины. В основном это золото.

Джек нахмурился:

— И об этих шахтах никто не знает?

— Мы были первыми. Кроме нас — ни души.

– Тогда почему ты рассказываешь об этом мне? Чужаку? Эйрин пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, вижу в тебе человека, на которого можно положиться. И... наверное, не хочу, чтобы ты уходил. Странно, мы едва знакомы, но мне кажется, Океан не просто так свел наши пути.

Губы Джека самопроизвольно растянулись в улыбке. Он был ей небезразличен. Где-то вдали заунывно взвыл койот. Джек на секунду отвлекся на звук, а когда снова повернулся к девушке, ему почудилось, что её глаза на мгновение вспыхнули потусторонним зеленым блеском. «Игра воображения и лунного света», – успокоил он себя.

– Но я боюсь, что ты всё равно уйдешь, – печально добавила она.

– За одной дорогой всегда идет другая, – философски отозвался Джек. – Но я обещаю: куда бы я ни отправился, я буду помнить доброту вашей общины. И этот разговор.

– Я знаю, что нравлюсь тебе. Ты не умеешь скрывать чувств. – От её слов в груди Джека будто вспыхнул порох. – Знаешь, у нас могло бы что-то получиться... если бы ты остался.

У Джека перехватило дыхание. Его никто нигде не ждал. И если закрыть глаза на их странную веру, это место казалось ему почти идеальным.

3.

Ночь прошла в крепком, беспамятном сне. Ему снилась Эйрин. Во сне он прижимал её к груди и искал её губ, а проснувшись, почувствовал почти физическое желание увидеть её снова.

Они проговорили вчера еще около часа и распрощались за полночь, когда она показала ему комнату в спальной пристройке. Несмотря на волнение, стоило Джеку коснуться головой подушки, пахнувшей свежестью, как он провалился в глубокий сон.

Спальные помещения представляли собой длинный коридор с рядами узких келий по обе стороны. Комната Джека находилась в самом центре. В ней стояли две койки, одна из которых была занята, но соседа в ночном мраке Джек не разглядел, а утром тот уже исчез. Солнечные лучи били в узкое окно под потолком, обещая испепеляющий день.

Джек оделся, заправил постель и вышел. В коридоре царила мертвая тишина. «Наверное, все на утренней молитве», — предположил он.

Снаружи его встретил раскаленный ветер. Хотя день только начался, жара уже была на грани терпимости. Из главного здания доносились приглушенные ритмичные голоса — служение Океану Надежд было в разгаре. Эйрин, разумеется, была там.

Пользуясь временной свободой, Джек решил осмотреться. Помимо общей спальни, здесь были домики поменьше, вероятно, для семейных пар. Его внимание привлекло неприметное строение с массивным замком на двери. «Золотой сейф», – промелькнуло в голове.

Взглянув в сторону шахт, он увидел в мареве горячего воздуха зияющие пасти штолен и сложные конструкции, похожие на промывочные конвейеры. Там, у самых отвалов, двигались крошечные точки – не все прихожане сейчас преклоняли колени.

Пяти минут на солнце хватило, чтобы Джек захотел пить. Идти на кухню через главный зал во время проповеди не хотелось, и он отправился искать черный ход.

– В таком климате стоило молиться рекам и озёрам, а не Океану, – хмыкнул он под нос.

Миновав узкий проулок между зданиями, он оказался на заднем дворе. У стены высились две бочки, опутанные металлическими трубами. Одна была обернута изоляцией, вторая – окружена зеркалами, ловившими каждый солнечный луч. Хитрый инженерный расчет: в одной емкости вода оставалась холодной, в другой – грелась до кипятка. От бочек отходил искривленный патрубок с вентилем. И будь он проклят, если этот умывальник не был отлит из чистого золота.

– Ничего себе! – присвистнул Джек. – Я кран-то второй раз в жизни вижу, а этот – из самородного золота!

Он наполнил ладони холодной водой и с наслаждением

плеснул в лицо. Смыл пыль и песок с шеи, омочил голову. Джек уже выпрямился, собираясь уходить, как столкнулся нос к носу с хмурым бородачом.

– Извините...

– Ты кто такой?! – прогрехотал тот, не давая вставить ни слова.

Бородач был не высок, но крепко сбит. Кустистые брови сошлись на переносице так низко, что глаз не было видно. Лицо, изрытое морщинами, и приоткрытый в гневе рот выдавали в нем человека тяжелого нрава. На вид ему было около пятидесяти, но под рубахой перекачивались рельефные мышцы, закаленные десятилетиями каторжного труда в шахтах. И сейчас этот силач смотрел на Джека как на воришку, застигнутого на месте преступления.

Страхнув влагу с ладоней, Джек Беллами протянул руку для приветствия, но вместо ответного рукопожатия оказался впечатан в стену главного здания. Мощный локоть здоровяка мертвой хваткой сдавил ему горло. Джек попытался отбиться, но бородач с пугающей легкостью заломил ему левую руку за спину и вдавил лицом в глинобитную стену, от которой несло вековой пылью.

Джек взвыл. Грубиян не просто причинил ему физическую боль, он растоптал его самолюбие. Казалось, еще одно усилие – и плечевой сустав лопнет с сухим хрустом. В глазах заплясали разноцветные пятна, быстро сменяясь темной пеленой. Каждая попытка вырваться отзывалась новой вспыш-

кой агонии.

– Кто! Ты! Такой! – взревел бородач прямо в ухо, едва не лопая Джеку перепонки мощными вибрациями своего голоса.

Беллами и рад был бы представиться, но из его горла вырывались лишь хриплые стоны. В какой-то момент инстинкт самосохранения взял верх: Джек извернулся и со всей силы ударил пяткой под коленную чашечку нападавшего. Тот отскочил – скорее от неожиданности, чем от боли. Но стоило Джеку обернуться, как перед глазами вырос огромный кулак, заслонивший собой солнце. Дальше была лишь тьма.

Очнулся он на той же койке, где провел ночь. Соседа на соседней кровати не было, но одиноким Джек себя не чувствовал. Напротив – его окружала добрая дюжина прихожан, взиравших на него с высоты своего роста. Ближе всех сидела Эйрин Либрук.

– Как ты, Джек? – спросила она, тревожно приподняв брови. В её зеленых глазах читалось искреннее волнение, и это было чертовски приятно.

– Кажется... я люблю тебя.

От собственных слов, произнесенных в полузабытьи, Джеку стало одновременно смешно и неловко. Эйрин мгновенно опустила взгляд, на губах заиграла смущенная улыбка.

Люди в комнате начали переглядываться, топтаться на месте и деликатно покашливать в кулаки. Алекс Криз, стояв-

ший чуть поодаль, озадаченно почесал затылок.

«*Неужели я ляпнул это вслух?*» – пронеслось в голове у Джека. Судя по лицам присутствующих, ответ был однозначным.

– Почему я здесь? – быстро спросил он, пытаясь перевести тему и сбросить нарастающий дискомфорт.

Он попытался сесть, но резкая боль в плече, словно удар раскаленным клеймом, заставила его поморщиться. Память о стычке с бородачом вернулась во всех красках. – Моя рука...

– С ней всё в порядке, – поспешила успокоить его Эйрин. – Был вывих, но плечо уже вставили на место.

– А где тот сумасшедший, который пытался меня убить?

На вопрос ответил Алекс Криз, и в его голосе проскользнули непривычные презрительные нотки:

– Этого «сумасшедшего» зовут Барретт Гибсон. Один из лидеров общины и её вечный возмутитель спокойствия.

– Он сегодня вернулся с рынка вместе с господином Либруком, – подал голос кто-то из толпы.

– Да, – подтвердил другой прихожанин. – Барретт не знал, что ты наш гость. Решил, что ты бродяжка или вор.

– Тогда это всё объясняет, и я не держу на него зла, – с нескрываемым сарказмом бросил Джек, поднимаясь с постели и потирая плечо. Ему совершенно не улыбалось быть экспонатом для осмотра, словно он – кусок редкой руды, принесенный из шахты.

Словно прочтя его мысли, Алекс Криз скомандовал:

– Пожалуй, достаточно внимания. Как видите, наш гость жив-здоров, а нам пора за работу.

Прихожане, признавая непререкаемый авторитет Криза, потянулись к выходу. Алекс слегка подтолкнул в спину самых любопытных, освобождая пространство.

– Вы отправляетесь к шахтам? – осведомился Джек, вставая на ноги.

– Да, – кивнул Алекс, задерживаясь в дверях.

– Тогда я с вами.

Криз удивленно вскинул брови, но в уголках его губ промелькнула одобрительная усмешка.

– Это исключено! – воскликнула Эйрин, вскакивая со стула. – Тебе нужен покой. Рука придет в норму только через несколько дней.

– И всё же, я настаиваю.

– Что ж, лишняя пара рук нам не помешает, – Алекс подошел и дружески похлопал Джека по здоровому плечу. Затем он повернулся к возмущенной Эйрин: – Не волнуйся, я за ним присмотрю. Большой нагрузки он не получит, обещаю.

Эйрин уже набрала в грудь воздуха для нового возражения, но в этот момент в комнату вошел высокий человек в черном одеянии. На вид ему было не больше сорока пяти, и лишь серебро на висках добавляло образу лишний десяток лет. Его черный, пронзительный взгляд выдавал стальную волю, а высокий лоб – недюжинный ум.

– Так вот он, наш гость, с которым Гибсон обошелся столь неподобающим образом.

Глубокий, бархатный баритон проповедника заполнил тесную комнатку, словно живая мелодия. Джек не сомневался: перед ним – создатель и сердце общины, отец Эйрин, Джордж Либрук.

При его появлении Эйрин и Алекс смиренно склонили головы. Либрук подошел к дочери и ласково погладил её рыжие локоны. В отличие от неё, у отца были густые, иссиня-черные волосы.

– Дочь моя, подожди в коридоре. Мужчинам нужно поговорить.

– Да, отец, – покорно отозвалась она и вышла.

Джек проводил её взглядом, после чего вновь столкнулся с изучающим взором проповедника. Тот смотрел на него так, как мастер смотрит на завершённый труд всей своей жизни.

– Твое имя, путник?

– Джек Беллами, сир.

Джек был взрослым юношей, но рядом с Либруком почувствовал себя ребенком – лидер общины возвышался над ним почти на голову. В народе говорили, что рост мага пропорционален его силе; если это так, то перед Джеком стоял настоящий титан. Магическое поле Либрука ощущалось физически – тысячи невидимых иголок впивались в кожу Джека при каждом движении проповедника.

– А мое имя – Джордж Либрук.

«Странно, я ждал титулов и пышных приставок, как у губернаторов», – подумал Джек, а вслух произнес:

– Рад знакомству, сир. – Он невольно склонил голову, повторяя жест Алекса и Эйрин.

Проповедник казался спокойным, как валун на дне глубокого озера, но Джек понимал: этот камень без раздумий проломит днище любому кораблю, рискнувшему проплыть над ним.

– Откуда ты пришел к нам, Джек?

– Из далеких мест. А вернее – ниоткуда. За свою недолгую жизнь я сменил слишком много пристанищ.

– Молодость не знает покоя, – с пониманием изрек Либрук. – В твои годы я тоже не мог найти себе места в этом мире. Но пятьдесят лет назад Океан Надежд привел меня сюда, и я обрел призвание.

– Пятьдесят? – Джек искренне изумился. – Выходит, вам под семьдесят? Сложно поверить, сир. На вид вам едва дашь полтинник.

Либрук сменил сдержанную улыбку на широкую, радушную, мгновенно растеряв свой опасный облик.

– Именно так. – Он оглядел комнату с таким интересом, будто видел её впервые – вероятно, его собственные покои в главном здании были куда роскошнее. – Я приношу извинения от имени всей общины в целом и Барретта Гибсона в частности. Он не злой человек, но часто становится заложником своего вспыльчивого нрава.

– Ему бы стоило поучиться искусству диалога, – с сарказмом бросил Джек, потирая плечо. – Трудно прощать того, кто не удосужился сам прийти и извиниться.

– Прекрасно тебя понимаю, – мягко согласился Либрук. – Но знай: истинную силу Океана ощутит лишь тот, в чьем сердце нет места злобе. Когда-то я тоже был обижен на весь мир, считая его несправедливым лишь ко мне. Но когда я встал на путь и признал ошибки, знаешь, чем это обернулось?

– Не представляю, – немного резко ответил Джек.

Алекс у дверей недовольно скривился, но Либрук продолжил как ни в чем не бывало:

– Я стал другим человеком. Понял, что искать сострадания от этого мира – пустое дело. Главное – получить его от Мира Вечности. И тогда все миры станут к тебе благосклонны.

– К сожалению, я в Него не верю.

Либрук удивленно вскинул брови и мельком взглянул на Криза, но тот остался невозмутим. Джек замер, ожидая, что сейчас его выставят за порог как еретика. Но проповедник лишь пожал плечами.

– Это твое право. Я не разделяю твоих убеждений, но уважаю их. Что ж, отдыхай, ты еще слаб. Нам пора на работу, не так ли, Алекс?

– Я пойду с вами.

– Ты не перестаешь меня удивлять, друг мой, – Либрук

качнул головой, обнажив идеально белые зубы в открытой улыбке. – Желание похвальное, но работа на шахте – это не прогулка, особенно со сломанным плечом.

– Был только вывих, – поправил Джек.

– Конечно. Но и с такой травмой будет нелегко.

– Я знаю, что меня ждет. У меня есть опыт в таких делах.

Либрук вновь оглядел его с нескрываемым интересом. В его глазах вспыхнул азартный блеск – будто он нашел не нового работника, а редкий доселе неизвестный минерал.

– Раз ты чувствуешь в себе силы помочь – я не вправе отказывать. Алекс, распорядись насчет одежды и инструмента. И проследи, чтобы Джека не нагружали сверх меры.

Криз кивнул и вышел. За ним последовал и Либрук, на прощание крепко пожав Джеку руку. Снаружи уже слышались голоса прихожан, собирающихся на смену. Джек принялся поправлять постель, когда за спиной раздался негромкий голос Эйрин.

– Это правда?

Джек обернулся. Она стояла в дверном проеме – смущенная, но решительная.

– Что именно? – спросил он, хотя сердце уже подсказало ответ.

– Что ты... любишь меня.

Шахт было три: две старые, глубокие, и одна поменьше, еще не успевшая вгрызться в земную твердь. Джека опреде-

лили в новую, под начало Алекса Криза. В соседних штольнях распоряжались Барретт Гибсон – тот самый агрессивный бородач – и Гилберт Коннорс.

О Коннорсе Алекс говорил с уважением: бывший боец в кровавых ямах восточных губерний, широкая спина и пустая глазница, которую он прикрывал повязкой лишь во время работы или за столом. В остальное время Гилберт не стеснялся своего изуродованного лица, словно выставляя напоказ цену своего прошлого.

Сам Джордж Либрук в шахты не спускался. Алекс уверял, что у проповедника и без того хватает забот, но Джека это не обмануло. Он и раньше встречал таких «духовных отцов»: они никогда не пачкали рук, пока была возможность переложить грязную работу на паству.

Либрук-отец вызывал у Джека инстинктивное отторжение, но Эйрин была другой. Она трудилась на кухне наравне со всеми, не требуя привилегий, хотя её статус позволял сидеть сложа руки. Джек любил её и не стал этого скрывать. Когда они на миг остались наедине в коридоре, он признался ей во второй раз. В восемнадцать лет никогда не рано говорить о любви, особенно когда завтрашний день в Зрелом Мире никому не гарантирован.

В ответ Эйрин лишь мимолетно поцеловала его в губы и смущенно убежала. Джек остался стоять, чувствуя вкус её губ и легкий аромат полевых трав.

– Итак, – Алекс вывел его из оцепенения, положив ладонь

на плечо. – Чтобы не нагружать твой вывих, таскать камни мы тебя не заставим. Как насчет кирки? Удержишь одной рукой?

– Удержу, – кивнул Джек. – Я же говорил, опыт есть.

– Вот и славно. Будешь работать рядом со мной. Где надо – помогу делом или советом.

Прежде чем войти в темноту штольни, Джек присел на корточки и поднял с пыльной земли крошечный камешек. Протерев его от серой пыли, он увидел тусклое мерцание. Подставив ладонь солнцу, он заставил камешек вспыхнуть ярко-желтым огнем.

– Золото, – подтвердил Алекс. – Твой первый успех. Считай это добрым знаком.

Камешек был крохотным, не больше ногтя на мизинце, но в нем чувствовалась какая-то особенная тяжесть. *«Просто это первое золото, которое ты нашел сам»*, – осадил он себя.

– Можешь оставить его себе, – разрешил Алекс. – Никто не будет против.

– Разве у вас принято рассовывать добычу по карманам?

– Никогда. Но бывают исключения – например, когда кто-то хочет сделать подарок своей женщине. Джордж Либрук дает на это благословение.

– А если кто-то найдет крупный самородок и решит «забыть» о разрешении?

– Об этом не может быть и речи, – серьезно ответил Криз.

– У нас всё строится на доверии. И горе тому, кто это доверие не оправдает. В общине нет разделения на «твое» и «мое». На то она и «община».

– Кроме женщин.

– Кроме женщин, – подтвердил Алекс.

– А у проповедника есть женщина?

– Нет. Он отказался от плотских радостей ради служения.

– Тогда откуда взялась Эйрин?

– Она родилась до его обета. Тогда Либрук еще не отказывал себе в земных дарах.

– А её мать? Что с ней стало?

– Об этом мне ничего не известно. Пойдем, пора за работу.

Джек еще раз сжал камешек в руке и отправил его в карман. Он слушал слова Алекса о доверии, но нутром чуял другое: в общине не воровали только потому, что Джордж Либрук обладал силой, способной вывернуть наизнанку любую душу. Против такого надсмотрщика не поможет ни одна воровская хитрость.

– Пусть будет талисманом, – прошептал Джек и вслед за Алексом начал спуск в прохладную глубину шахты.

Глава 6: Схожие судьбы

1.

Над его головой висел амулет, которому индейцы приписывали куда большую значимость, чем он сам – той безделушке, что когда-то висела на люстре в его детской спальне. Паутинообразное плетение, украшенное перьями, должно было ловить дурные сны, пропуская лишь добрые. Кевин не знал, правда это или нет, но за всё время пребывания в племени сиу кошмары его не беспокоили – а этим его детство похвастаться не могло.

Солнечный Луч вошла в типи в тот момент, когда он изучал амулет. В руках она несла сосуд с водой и две маисовые лепешки.

– Ваш завтрак, Великий Маниту.

– Не называй меня так, – в который раз попросил он, понимая, что и сейчас останется неслышанным.

Стоило Кевину принять подношение, как женщина развернулась, собираясь уйти.

– погоди, – остановил он её. – Я хочу поговорить.

Солнечный Луч всё это время смотрела в пол, и лишь теперь её взгляд робко скользнул по его лицу. Кевин увидел в её глазах нечто до боли знакомое – то самое смятение, кото-

рое он сам испытывал в первые дни после попадания в Молодой Мир.

– О чем?

– Ты не знаешь, когда придет день моей битвы с Вендиго?

Этот вопрос он задавал вождю десятки раз, но всегда получал один и тот же туманный ответ: «Битва состоится, когда ты будешь готов». Солнечный Луч не стала оригинальничать, эхом повторив слова старейшины.

Кевин надломил кусок лепешки и отправил в рот.

– Почему вы считаете Марка Уотера злым духом? – задал он очередной дежурный вопрос. Вождь обычно твердил, что Вендиго – носитель силы, с которой совладевает лишь магия Маниту, порожденная самим Океаном Надежд.

– Он принес проклятие на наши земли, – ответила Солнечный Луч, и Кевин внутренне обрадовался тому, что она заговорила не заученными фразами. – Он – зло, которое должно быть побеждено. И кому, как не Великому Маниту, одолеть его?

– Почему вы решили, что виновен именно он? – Кевин отложил недоеденную лепешку.

– Он... он обладает силой, которую использует лишь во вред.

– Ты видела это своими глазами?

– Нет, – честно призналась она. – Но это видели Яркая Молния и Западный Ветер, когда принесли вас в лагерь. Ты был без чувств, твои глаза были слепы.

– Мое знакомство с Марком Уотером произошло не вчера, я знаю его получше вашего, – не скрывая раздражения, произнес Нолан. – Он не мог проклясть эти земли, мы пришли вместе, из другого Мира.

Ему не хотелось бросаться такими откровениями, но Дар Правды, пульсирующий внутри, не оставлял выбора. Впрочем, Кевин сомневался, что смог бы промолчать, даже не обладая он этим даром.

– Все мы лишь странники в этом мире, – парировала она, слегка склонив голову в знак почтения. Женщина выпрямилась, собираясь уйти, но Кевин вновь не позволил.

– Постой. Если Яркая Молния и Западный Ветер видели силу Вендиго, я хочу поговорить с ними.

– Яркая Молния занят обрядом в память о своем брате, Дубовой Ветви. Он не уделит тебе внимания, и, если честно, я должна быть там. А Западный Ветер собирается в путь на «чистые» земли за водой.

– Дубовая Ветвь? Да, я слышал о нем от вождя. Он погиб от лап медведя.

– Да, – кивнула Солнечный Луч, и её голос на мгновение дрогнул. – Священный дух в образе медведя забрал у Яркой Молнии брата... а у меня – мужа.

2.

Западный Ветер выводил коня из загона, у входа в который его ждал Белый Столб Дыма. Где-то севернее, у дальних типи, уже раздавались ритуальные песнопения, глухие удары бубна и сухой треск костра. Обряд в честь Дубовой Ветви набирал силу. Солнечный Луч говорила, что ритуал продлится весь день и завершится лишь на закате, когда духи окончательно примут ушедшего.

– А, Кевин, рад тебя видеть, – приветствовал его вождь, стоило Нолану подойти.

– Странно, что вы не назвали меня Маниту.

– Я буду обращаться к тебе так, как ты пожелаешь. Пока дух Маниту в тебе дремлет, я использую имя, которое тебе ближе.

Западный Ветер вывел мустанга, и вождь запер за ним жерди загона.

– Надеюсь, песнопения не разбудили тебя?

– Нет, я уже был на ногах. Солнечный Луч сказала, что обряд посвящен её мужу.

Белый Столб Дыма помолчал, глядя куда-то вдаль, затем медленно кивнул:

– Дубовая Ветвь ушел слишком рано и забрал с собой сердце жены. Ей трудно смириться, хоть она и знает, что время соединит их вновь. Надеюсь, ты почтишь нас своим при-

сутствием на обряде?

– Безусловно. Но сейчас я хотел бы поехать с Западным Ветром за водой, если это возможно.

Вождь не стал возражать. Обряд будет в самом разгаре, когда они вернутся, и к тому времени шаман успеет созвать всех духов. Прежде чем вскочить в седло, индеец почтительно склонил голову перед Кевином. За спиной у него висел лук и колчан, полный стрел с костяными наконечниками.

– Ехать в компании Великого Маниту – честь для меня.

Кевину позволили выбрать коня самому. Среди десятка мустангов он высмотрел вороного жеребца, который напомнил ему Фаундера – верного спутника, прошедшего с ним почти весь путь в Молодом Мире. Кевин скучал по нему. Он вообще скучал по многим: Линин, чета Доббсов, Фернандо Белу из Диллема – эти имена согревали душу в этой выжженной пустыне.

Вместо седла ему дали лишь расшитый коврик и веревку вместо поводья. Вдвоем с Западным Ветром они направились на север, туда, где горизонты обещали зелень и горные ручьи.

Они отъехали совсем недалеко, но Кевин уже осушил половину фляги. Жара стояла невыносимая. Как индейцы жили здесь десятилетиями? Проклятию было около тридцати лет, и тот же Западный Ветер, которому на вид было не больше двадцати пяти, родился уже на мертвой земле.

Кевин наблюдал за спутником. Индеец величественно

восседал на коне, придерживая веревку одной рукой. Его кожа имела странный багровый оттенок, на руках совсем не было волос, а вены вздувались на мощных мышцах, как горные хребты. Предплечья украшали татуировки – переплетения линий, в которых угадывались перья, головы волка и совы.

– Что означают твои татуировки? – спросил Кевин спустя четверть часа тишины.

– Они говорят обо мне больше, чем слова, Великий Маниту. Разве тебе это не известно? – Западный Ветер оглядел Кевина с привычной невозмутимостью и ткнул пальцем в один из рисунков. – Волк значит, что я лучший охотник племени. Сова – покровительница ночи, хранительница тайных знаний...

– Я не Маниту, – перебил его Кевин.

– Я знаю, – спокойно ответил индеец, и от этого спокойствия у Кевина по спине пробежал холодок. – Но Белый Столб Дыма уважает тебя, и я следую его примеру.

– А тот беловолосый мужчина, что был со мной? Он тоже не Вендиго?

– В этом я не уверен.

Индеец прикрыл глаза ладонью от солнца, вглядываясь в марево на горизонте. Для сиу каждый поход за водой был не просто трудом, а паломничеством в благодатную землю, которую они потеряли. Кевин догадывался, что на «чистые территории» допускают лишь немногих избранных.

– Этот человек несет на себе то же проклятие, что и наши земли, – добавил Западный Ветер.

– О чем ты?

– Я сказал всё, что мог. Мне нечего добавить.

Индеец явно не горел желанием обсуждать Марка Уотера.

– Ты ведь был среди тех, кто принес нас в лагерь? И тот, кого вы зовете Вендиго, проявил свою силу? Он сделал что-то злое?

– Нет, он не обратил магию против нас, – Западный Ветер опередил следующий вопрос Кевина: – На нас были амулеты, защищающие от влияния темных сил. Они не позволили ему причинить нам вред.

– Где вы его держите?

– Это знают только вождь и шаман, – ответил индеец.

В этот момент Кевин впервые отчетливо уличил его во лжи: Западный Ветер знал, где находится Марк.

– Придет время, и вам позволят встретиться, – закончил индеец.

– Но если ты не считаешь меня Маниту, то не веришь и в то, что наша битва снимет проклятие?

– Я верю, что со смертью Вендиго жизнь вернется в прерию, – Западный Ветер пристально посмотрел на Кевина. – Но я не уверен, что *ты* сможешь его одолеть. Вождь верит в легенду. А я знаю одно: если ты не возьмешь верх, я сам вступлю с Ним в смертный бой.

– Я не стану с ним сражаться, но и не позволю тебе убить

моего друга, которого ваше племя по ошибке нарекло Вендиго.

– Время нас рассудит, оно мудрее любого человека.

Проехав верхом еще около часа, они, наконец, покинули пустыню. Под копытами исчез песок, а воздух мгновенно сделался свежим и прохладным. Здесь пели птицы, в кронах изумрудных деревьев шелестел ветер. Кевин не удержался и оглянулся: бесплодные земли остались позади, и тяжелые воспоминания о них быстро таяли, вытесняемые ароматами трав и полевых цветов. Кони остановились, принявшись щипать сочную зелень. Ни Кевин, ни Западный Ветер не стали лишать их этого удовольствия.

Пока животные отдыхали, индеец спрыгнул на землю. Опустившись на одно колено, он сорвал несколько травинок и поднес их к лицу. Кевин мог лишь догадываться, была ли это минутная слабость или попытка выследить зверя – на вопрос спутник не ответил, сохранив на лице привычное непроницаемое спокойствие. Отбросив траву и вытерев ладони о штаны, молодой охотник вновь вскочил в седло.

– На кого вы охотитесь?

– На оленей, зайцев, птиц... По-разному. Идем, – он прищипорил коня, и Кевин последовал его примеру. – Сегодня не до промысла, нужно лишь пополнить запасы воды.

Вскоре до их слуха донесся рокот реки, берущей начало в горных вершинах. Миновав заросли хвойных деревьев и мелкого кустарника, всадники вышли к берегу. Поток стре-

нительно неся вниз, пенясь и закручиваясь в водовороты. Западный Ветер, привыкший во всем быть первым, опередил Кевина и у каменистой кромки оказался раньше. Когда Нолан остановил свою лошадь, индеец уже сбрасывал с плеч лук, колчан и пустые бурдюки, которые в сложенном виде походили на скатанные гамаки. За поясом он оставил лишь томагавк. Следом на землю полетели еще две вместительные емкости, висевшие за спиной коня.

– Не заходи глубоко, иначе течение собьет с ног, – предостерег Западный Ветер.

– Надолго вам хватает этой воды? – спросил Кевин. Он снял мокасины, закатал штаны и, подхватив один из бурдюков, вошел в ледяной поток.

– На два-три дня, – отозвался спутник, пробуя воду на вкус, зачерпывая ее ладонью.

– И она не нагревается?

– Нет, мы храним ее в погребах, вырытых специально для провизии.

– А где находятся эти хранилища?

Западный Ветер бросил на Кевина короткий взгляд и сердито поджал губы. Злился он, скорее всего, на самого себя, и Нолан понимал причину: именно в таком погребе племя сиу держало Марка Уотера. Как ни старался индеец быть осторожным, он все же проговорился. Вместо ответа юноша лишь велел крепче держать горловину бурдюка.

– Нужно поторапливаться, чтобы успеть к началу обряда.

– Западный Ветер поднял наполненную емкость, перевязал ее и вытащил на берег, после чего вернулся в реку за следующей.

– Солнечный Луч тяжело переносит гибель мужа.

– Да, – кивнул тот. – Их связь была не только телесной, но и духовной. Столь сильного чувства я прежде не встречал. Неудивительно, что она решилась на этот ритуал.

– В чем его суть?

Кевин как раз заходил в воду со вторым бурдюком, когда индеец резко выпрямился и поднял руку, призывая к тишине. Его взгляд застыл в одной точке. Кевин, не раздумывая, обернулся. В двадцати шагах от них, у куста с алыми ягодами, стоял медвежонок, настороженно пригнувшись к воздуху.

– Ты испугался малыша? – спросил Кевин. Ирония прозвучала невольной.

– Где медвежонок, там и мать, – вполголоса ответил Западный Ветер. – А гризли отличаются скверным нравом.

Спутник Кевина не успел договорить, как из лесной чащи донеслось могучее рычание. Медведица мчалась на них, и каждый раз, когда тяжелые передние лапы ударяли оземь, из ее груди вырывался хриплый, утробный звук. Зверь был невероятно огромен – таких, пожалуй, не встречали даже вездесущие операторы «National Geographic». Кевин мог бы гордиться встречей со столь величественным обитателем здешних лесов, не будь она смертельно опасной.

Западный Ветер с досадой глянул на берег, где остались его лук и стрелы, и выхватил из-за пояса томагавк. Нолан отступил от берега и встал плечом к плечу с индейцем. Тот не сводил глаз с хищницы, которая, поравнявшись с медвежонком, поднялась на дыбы. Теперь она казалась еще громаднее.

– Не двигайся, – негромко произнес Западный Ветер. Его голос почти тонул в яростном реве лесного обитателя. – Возможно, она не тронет нас, если поймет, что мы не желаем зла ей и ее детенышу. И ни в коем случае не беги.

Медведица застыла на задних лапах, заслоняя собой чадо. На ее мощной груди, покрытой рыже-бурым мехом, белел уродливый шрам – след, оставленный явно не в схватке с сородичем. Кевин взглянул на спутника, ожидая команды. Кому, как не лучшему охотнику племени, отмеченному татуировкой волка, принимать решения в такой миг? Однако по мертвенно-бледному лицу индейца Нолан понял: тот объят ужасом.

– Дух леса... – прошептал Западный Ветер. – Это он убил Дубовую Ветвь. Он не оставит нас в покое.

От этих слов Кевина прошиб озноб. Индеец внезапно закричал и принялся отчаянно махать томагавком. Мышцы на его спине бугрились, руки описывали в воздухе резкие дуги. Медведица снова опустилась на четыре лапы и, оскалившись, издала истошный вопль. Отступать она не собиралась. Сделав шаг навстречу людям, она вошла в реку, и холодные струи заскользили по ее длинным черным когтям.

– Кричи вместе со мной! – потребовал охотник. – Пусть решит, что мы ей не по зубам!

– Пошла прочь! – закричал Нолан, подражая спутнику.

Он размахивал руками, чувствуя себя беззащитным: пустой бурдюк был плохим подспорьем в схватке со свирепым зверем. Кинжал, купленный еще в Молодом Море, остался в голенище сапога, а на реку Кевин пришел в мокасинах – обуви удобной, но совершенно не приспособленной для хранения оружия.

– Уходи! Оставь нас!

– Медленно отходи назад, в воду! – скомандовал Западный Ветер. – Но не смей поворачиваться к ней спиной!

Кевин попятился. Медведица осталась у самой кромки, продолжая грозно рычать, но не преследуя их. Нолан счел это добрым знаком. Они продолжали отступать, чувствуя, как глубина растет, а течение становится все напористее.

– Похоже, пронесло, – выдохнул индеец, опуская руки. – Она сдалась.

– Очень рад это слы...

Договорить Кевин не успел. Он споткнулся о подводный валун, и речной поток тут же накрыл его с головой. Нолан вскрикнул, но сразу захлебнулся – ледяная вода хлынула в рот, грозя заполнить легкие. Бурдюк вырвался из рук и исчез в волнах. Перед глазами закружились пузырьки воздуха, а от холода веки закололо мириадами иголок. Все звуки мгновенно стали глухими и далекими. Кевин отчаянно пытался

встать, но удалось это не сразу: пришлось перевернуться на живот, поджать колени и лишь затем выпрямиться. Как только голова показалась над поверхностью, он смахнул воду с лица и услышал надрывный крик спутника:

– Вставай! Скорее!

Слова тонули в яростном рычании и тяжелых всплесках. Сердце Кевина перестало на миг биться, когда он оглянулся. Огромная, потемневшая от влаги меховая глыба стремительно сокращала расстояние. На мгновение Нолану почудилось, что он снова на борту «Могучей Волны»: кругом вода, а на него несется агрессивная тварь с клыками и когтями. Только теперь рядом не было Тифа. Пусть тот и оказался предателем, он был куда опытнее и искуснее его нынешнего проводника.

Кевин нащупал под водой увесистый голыш и, мгновенно выпрямившись, метнул его в зверя. Округлый камень угодил медведице прямо в грудь, но ничуть не замедлил ее бега. Не теряя надежды, Нолан схватил со дна второй, однако применить его не успел: хищница была уже слишком близко. Она тяжело дышала, обдавая всё вокруг брызгами и буравя человека полным ненависти взглядом. Мощная лапа взметнулась вверх, готовая выпустить когти или одним ударом перебить позвоночник, но Кевин успел отпрянуть. Течение подхватило его, отнеся на относительно безопасное расстояние. Разгневанное животное, поднявшись на дыбы, всем весом обрушилось в воду, отчего брызги разлетелись вокруг подобно

осколкам битого стекла.

Поток уносил Кевина всё дальше – и от медведицы, и от Западного Ветра. Поначалу он потерял ориентацию, едва не перекатываясь кубарем в пенистой воде, но вскоре ему удалось зацепиться за каменистое дно и вновь подняться на ноги.

В этот момент медведица снова бросилась в атаку, но теперь уже индеец не остался в стороне. Издав боевой клич, он ринулся на зверя, занеся над головой томагавк. Острое лезвие вонзилось «духу леса» в бок. Привычный яростный рык сменился протяжным, завывающим стоном боли.

Всё это время медвежонок оставался на берегу. Он жалобно звал мать – а может, напротив, подстрекал ее к действию. В эту тягостную, пропитанную адреналином минуту второй вариант казался Кевину вполне вероятным.

Медведица резко развернулась и одним ударом отбросила юношу. Когти вспороли одежду и кожу на груди. Глубокие раны не успели наполниться кровью – ледяная река мгновенно омыла их, когда Западный Ветер рухнул в воду. Хищница, не убавляя пыла, навалилась сверху. Огромные лапы придавили охотника к дну, что грозило не только переломом ребер, но и немедленной смертью. Под такой тяжестью парень не мог сделать и вдоха, а если бы и попытался, его легкие заполнил бы не воздух, а вода. Без посторонней помощи шансов выжить у него не оставалось, а ведь зверь еще даже не пустил в ход зубы.

Кевин лихорадочно хватал со дна камни. Первый бросок оказался неудачным – снаряд пролетел в метре от цели. Тогда он подобрал другой камень и бросился вперед, крича во всё горло, чтобы отвлечь зверя. Его вопли не возымели действия, но второй бросок оказался точным: камень угодил прямо в раненый бок. Медведица взвыла, но продолжала вымещать ярость на молодом индейце, терзая его когтями.

Над поверхностью мелькали лишь руки несчастного: он пытался то ли вырвать клочья густой шерсти, то ли оттолкнуть от себя эту живую гору. С первым он еще кое-как справлялся, но вторая задача была ему явно не под силу.

Очередной камень, брошенный Кевином, попал медведице в макушку. Это, наконец, заставило ее оставить добычу и переключить внимание на Нолана. С одной стороны, Кевин испытал облегчение – руки Западного Ветра уже бессильно опустились. С другой – он остался один на один с разъяренным зверем, который на всех парах неся к нему, поднимая каскады брызг.

Кевин инстинктивно попятился, хотя и понимал, что спастись бегством невозможно. Грозное существо, страшное в своем исступлении, приближалось слишком быстро. Мысли путались, а мозг отказывался генерировать идеи для спасения.

Медведица была совсем рядом. Припав на передние лапы, она приготовилась к решающему прыжку. Кевин выставил вперед руки, словно эта слабая преграда могла его защитить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.